

ЛУЧШИЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ О ПОДЗЕМЕЛЬЯХ

Туннели Глубже Свободное
Падение

Ближе

РОДЕРИК ГОРДОН И БРАЙАН УИЛЬЯМС

Туннели

Брайан Уильямс

Ближе

«АСТ»

2010

Уильямс Б.

Ближе / Б. Уильямс — «АСТ», 2010 — (Туннели)

Уилл Берроуз попал в беду... в подземном мире, о существовании которого почти никто не знает. Его враги, коварные стигийцы, где-то рядом. Они намерены преследовать его до конца... до самого-самого конца. Тем временем Дрейк – с помощью неожиданного союзника – готовится атаковать стигийцев с поверхности Земли. Но приведет ли его безрассудный план к победе?.. Книга от редактора Барри Каннингема, открывшего миру Гарри Поттера Популярность романов о дигтерах набирает обороты: • Романы о подземном мире уже переведены на 40 языков! • Над экранизацией бестселлера «Туннели» работают сценаристы, за плечами которых несколько номинаций на «Оскар».

© Уильямс Б., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	52
Глава 9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Родерик Гордон и Брайан Уильямс Ближе

*Мы кружились в танце, лишь предполагая,
А Тайна сидела в центре – прекрасно отгадку зная...*
The Secret Sits, Роберт Фрост

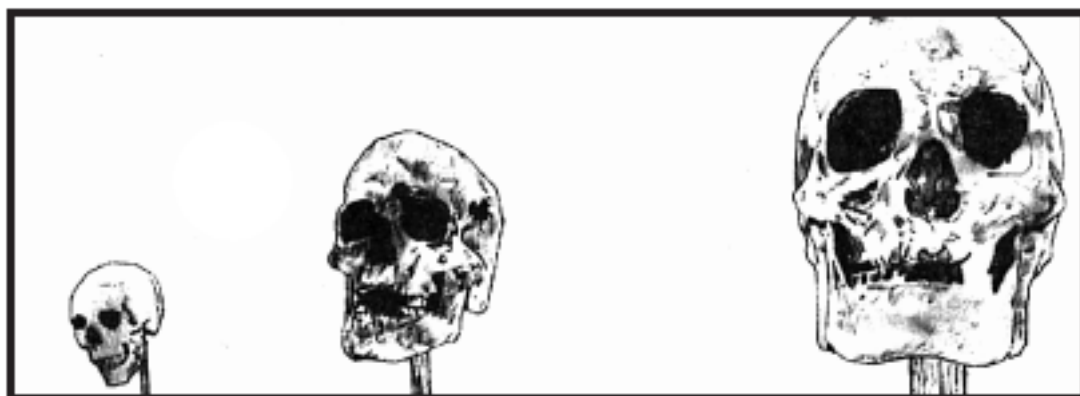
*You've never seen me
You've never hoped, too fair to say
You just can't explain yourself
You can't explain yourself
I can't explain this pain...!*
I Betray My Friends, Orchestral Manoeuvres in the Dark

*В день подведения итогов они швырнут тела вперед, на обломки
своих дней. Для них неведомо, чем они были, к чему они стремились.*
«Книга Катастроф», автор(ы) неизвестен(ы)

От издательства «Chicken House»

Я в восторге от этого подземного мира! Но становится ли развязка ближе... или дальше? Блестящее произведение. И я жду не дождусь, когда выйдет фильм «Туннели», а вы?

Барри Каннингем
Издатель

Часть первая Откровение

Глава 1

Языки пламени, волны огня, красное и ослепительно белое. Волосы трещат, кожа вскипает волдырями. Рев раскаленного воздуха – кислород стремительно выгорает, заканчивается... Плеск воды – это Ребекка-два обрушивается в воду, не выпуская из рук бесчувственное тело своей сестры. Тело Ребекки-один безжизненно, податливо, словно туловище тряпичной куклы, и даже ледяная вода не приводит ее в чувство.

Они скрываются под водой. В этом единственное спасение от нестерпимого жара.

Ребекка-два зажимает сестре нос и рот рукой, чтобы та не захлебнулась. Затем заставляет себя думать. Принимать решение. Шестьдесят секунд без воздуха... Легкие начинают гореть.

Шестьдесят секунд по ту сторону жизни. Что дальше?

Ее взгляд метнулся вверх, на огненный ад, бушующий над водой. Подожженные рукой Эллиот сухие кости оказались отличной растопкой, и теперь на воду сыпется жирный черный пепел. И в довершение всех неприятностей... Эллиот там, живая, – дура, полукровка, дрянь! – высматривает их, готовая спустить курок, едва они окажутся на поверхности. Откуда Ребекка-два это знала? Да потому, что сама на ее месте поступила бы точно так же.

Нет, пути назад нет. Нет... если они хотят выжить.

Судорожно сунув свободную руку в карман, Ребекка-два нащупала светосферу. На это ушли драгоценные секунды, но она должна была знать, куда двигаться дальше.

Я должна решить... должна... пока еще могу...

Пытаясь принять верное решение, она поплыла вглубь: туда, где под водой разливалось слабое сияние. Она по-прежнему обнимала бесчувственную сестру. Ребекка-два видела, что та ранена в живот: кровь клубилась в воде, оставляя расплывчатый алый след позади них.

Пятьдесят секунд...

Легкое головокружение. Первый признак недостатка кислорода.

Сквозь шелест пузырьков воздуха и шум воды она уловила глухой вскрик сестры – изо рта пришедшей в себя Ребекки-один вырвался огромный пузырь драгоценного воздуха, девушка забилась в слепом ужасе. Она попыталась вырваться, но Ребекка-два намертво вцепилась в ее руку, потащила за собой, и та, кажется, все поняла, успокоилась и дала увлечь себя на глубину.

Сорок секунд...

Давление разрывало плотно стиснутые губы, легкие горели, но Ребекка-два продолжала плыть. Светосфера с трудом пробивала мглу перед ней. Стайка маленьких рыбок испуганно метнулась в сторону, их отливающая металлом чешуя ярко сверкнула в луче светосферы.

Тридцать секунд...

Ребекка-два увидела впереди неясные очертания чуть более светлого пятна. Проход. Она с силой толкнулась ногами, устремляясь вперед. В мозгу вспышкой высветилось воспоминание: уроки плавания в хайфилдской школе...

Двадцать секунд...

Это был туннель. *Возможно*, строго одернула она сама себя. Всего лишь возможно. Легкие жгло сильнее – она больше не могла оставаться под водой, но все равно плыла вперед, в туннель, успевая еще и оглядываться по сторонам.

Десять секунд...

Она уже не ориентировалась в пространстве – не была уверена, вниз плывет или вверх. Затем она заметила отражение. В нескольких метрах от нее луч ее светосферы внезапно отразился от круглой блестящей поверхности, похожей на зеркало. Из последних сил девушка устремилась к странному объекту, увлекая за собой сестру.

Обе они с шумом вынырнули – в туннеле оказалось достаточно свободного от воды пространства.

Ребекка-два судорожно втягивала в горящие легкие воздух, радуясь, что здесь нет ни метана, ни другого рудничного газа. Кашляя и отплевываясь, она торопливо повернулась к сестре. Хотя раненая девушка и держалась на поверхности воды, голова ее безжизненно свесилась набок.

– Очнись! Давай же! – выкрикивала Ребекка-два, тряся сестру за плечи.

Никаких признаков жизни.

Тогда она обхватила сестру вокруг грудной клетки и несколько раз изо всех сил сжала объятия.

По-прежнему ничего.

Ребекка-два зажала сестре нос и начала делать искусственное дыхание.

– Дыши! Дыши же! – Умоляющий вопль Ребекки-два отразился от каменных сводов, когда с бледных губ ее сестры сорвался слабый стон, а изо рта хлынула вода. Потом девушка на мгновение погрузилась в воду, закашлялась и стала биться в панике, ничего не видя вокруг и не понимая, где находится.

– Тише, тише! Спокойно, сестренка! Мы в безопасности.

Постепенно Ребекка-один успокоилась, но ее дыхание все еще оставалось прерывистым. Из ее раны продолжала сочиться кровь, а соприкосновение с водой, должно быть, причиняло страшную боль. Лицо Ребекки-один было смертельно бледным.

– Ты в порядке? Сможешь продержаться?

Мгновение девушки молча смотрели друг на друга. Сестры осознали: теперь они в безопасности. Они выжили...

– Я должна осмотреться, – сказала Ребекка-два.

Сестра беспомощно посмотрела вокруг. Губы ее шевельнулись, но она так и не смогла произнести ни слова – только первый слог. «За...»

– Зачем? – Ребекка-два догадалась, о чем она хотела спросить. – Погляди вокруг!

Ее сестра с трудом сфокусировала мутный взгляд, пытаясь понять, где они находятся.

По потолку туннеля, ставшего их убежищем, змеились толстые кабели – все в клочьях истлевшей оплетки и толстых натеках ржавчины.

– Я думаю, мы в штольне. Здесь должен быть другой выход.

Ребекка-один кивнула, и ее глаза закрылись: она вновь провалилась в беспамятство.

Глава 2

Спустя два дня пути по подземной реке Честер пришвартовал лодку к длинному причалу. – Посвети! Посмотри, что там! – проорал он Марте, стараясь перекрыть рев мотора.

Марта подняла светосферу повыше, направив ее луч на скопление теней в глубине причала. Честер пригляделся и смог опознать портовый кран, доки, какие-то здания... Эта пристань была чуть более обустроенной, чем те, на которых они заправлялись и отдыхали на протяжении пути. Сердце Честера забило чаще, когда он подумал о том, что они наконец-то добрались.

Лодка ткнулась в доски, и Честер выключил мотор. Марта подняла со дна моток каната и привязала свободный конец к швартовочным кольцам. Затем снова подняла светосферу и осветила довольно широкие ворота, когда-то выкрашенные белой краской, сейчас почти облупившейся. Честер вспомнил, как Уилл говорил ему, что эти ворота достаточно широки, чтобы в них смог проехать грузовик. Похоже, что это они и были.

Хотя он промок и замерз, Честера переполняло радостное возбуждение. *Я сделал это! Проклятье, я это сделал!* Он выкрикивал эти слова мысленно, пока они перебирались из лодки на пристань, а вслух не произнес ни слова...

Я вернулся в Верхоземье!

Но хотя он и был сейчас гораздо ближе к дому, чем раньше, до хеппи-энда было еще очень далеко.

Он бросил короткий взгляд на Марту, неловко ковылявшую по доскам причала. И без того грузная, она выглядела еще более бесформенной в своем коконе из тряпок и издавала глухое ворчание, словно какое-то дикое животное. Ничего нового – она часто была не в духе, – но сейчас Честер обратил внимание, что Марта вглядывается в темноту и бормочет проклятия, словно видит что-то... или кого-то. Но там, куда она смотрела, никого не было...

Честеру ужасно захотелось, чтобы Уилл был с ним. Или кто угодно еще. Но так уж легли карты: ему пришлось отправиться в путь вместе с этой женщиной. Марта снова заворчала, на этот раз громче, а затем нервно и широко зевнула – так, что он смог увидеть черные осколки ее зубов.

Честер знал, что она страшно вымотана путешествием, а нормальная гравитация отнюдь не способствовала улучшению ее самочувствия. Даже он ощущал тяжесть во всем теле – что уж говорить об этой грузной женщине, долгие годы не предпринимавшей таких далеких вылазок.

«Наверное, погано она себя сейчас чувствует», – подумал Честер. Выросшая в Колонии, Марта никогда не поднималась на поверхность, она и солнце увидит впервые в жизни. Она прожила не самую легкую жизнь: стигийцы приговорили ее вместе с мужем к ссылке в Глубокие Пещеры, а это на пять миль ниже того уровня, на котором располагалась Колония. Там, в Глубоких Пещерах, они стали одними из тех несчастных отщепенцев, которые, без сомнения, поубивали бы друг друга при первой же возможности, не останавливая их страх перед опасностями и ужасами, таящимися во тьме. Невероятно, но там, в Пещерах, она родила ребенка, сына, которого назвала Натаниэлем. Потом ее муж пытался убить их обоих, сбросив в пропасть...

Они выжили после падения, но позднее Натаниэль все равно умер от лихорадки, оставив Марту одну-одинешеньку во тьме. Больше двух лет провела она в полном одиночестве, не видя ни единой живой души. Прячась в полуразрушенной хижине, смогла выжить, питаясь теми жуткими тварями, которые водились в темноте Нижних Земель.

Когда Уилл, Честер и тяжело раненная Эллиот появились в жизни Марты, она немедленно перенесла на обоих мальчиков всю свою нарастающую любовь и тоску по умершему сыну. Эти чувства были так необузданны, сильны и... слепы, что она готова была поспособ-

ствовать смерти Эллиот, лишь бы мальчики не ушли. Она скрыла от них, что на борту подводной лодки, обнаруженной ими на дне одной из многочисленных Пор, были лекарства. Впрочем, когда Уилл все же узнал об этом, она сама проводила их к складу и всячески помогала лечить Эллиот, так что мальчики простили ей предательство...

Так было.

А теперь. Теперь Честер понятия не имел, что ему делать дальше. Ему пришлось взять с собой Марту, несмотря на постоянную опасность встречи со стигийцами, которые будут продолжать охотиться на него даже здесь, в Верхоземье. Ему некуда идти, не к кому обратиться за помощью, кроме Дрейка. Дрейк был его единственной надеждой, его спасением.

Дрейк, пожалуйста, пожалуйста, окажись здесь!

Честер мысленно молил об этом, глядя в темноту дока, страстно мечтая, чтобы Дрейк вышел ему навстречу. Ему хотелось позвать Дрейка, но он молчал, понимая, что Марта будет в ярости, когда узнает, что он шел сюда, чтобы встретиться с ним. Честер знал, насколько она ревнива и эгоистична в своей привязанности к нему, а последнее, чего бы ему сейчас хотелось, так это слушать ее ругань и причитания. Кроме того, Честер понятия не имел, получил ли Дрейк его сообщение. Да и был ли Дрейк жив...

По-прежнему не произнося ни слова, Честер и Марта вытащили лодку на сушу, выполняя инструкции Уилла. Гравитация давила все сильнее, и оба задохнулись даже от такого сравнительно небольшого усилия. Под аккомпанемент неразборчивого ворчания и сдавленных проклятий Марты они перетащили лодку внутрь одного из портовых зданий.

Когда Честер сел и вытянул гудевшие от усталости руки, он вдруг понял, что единственное, чего ему сейчас хочется, – это оказаться в Лондоне и повидаться с родителями. Несмотря на риск. Возможно, мама и папа смогут помочь ему выпутаться из этой истории. Возможно, смогут спрятать его где-нибудь. Да и неважно – он хотел просто увидеть их или дать им знать, что с ним все в порядке.

* * *

Ребекка-два торопилась. Сестра была очень слаба – и Ребекка-два с облегчением увидела, что Ребекка-один по-прежнему держится за кабели. Стигийка ухитрилась все это время оставаться над водой, однако силы ее были на исходе. Голова склонилась на поднятые руки, глаза были закрыты. У Ребекки-два ушло несколько секунд на то, чтобы привести сестру в чувство. Было очевидно: им необходимо поскорее попасть куда-то, где сухо и тепло, – иначе Ребекка-один погибнет от холода и болевого шока.

– Набери как можно больше воздуха и держись за меня. Я нашла дорогу. Там впереди есть неплохое место...

– Какое... место?... – Голос Ребекки-один звучал безжизненно.

– Я проплыла по заброшенным путям до самого конца туннеля, – Ребекка-два мотнула головой в сторону темного провала туннеля. – Нашла незатопленный участок. Там места больше, чем...

– Поплыли. – Ребекка-один прервала ее на полуслове, глубоко вздохнула, задержала дыхание и отпустила кабели.

Ребекка-два тащила сестру на буксире, а когда они вынырнули, поддерживала ее на поверхности воды, как делают спасатели.

Наконец стало достаточно мелко, и они смогли выбраться из воды, хотя Ребекке-два и приходилось постоянно поддерживать сестру. Оступаясь и спотыкаясь на каждом шагу, они выбрались на сушу.

Ребекка-два видела, что пути ведут дальше, во тьму туннеля, но сначала нужно было заняться раной сестры. Она уложила Ребекку-один, затем осторожно раздвинула рваные кло-

чья одежды, чтобы осмотреть рану. На первый взгляд рана на боку опасений не вызывала и была не особенно большой, но кровь не останавливалась до сих пор, окрашивая мокрую кожу алыми разводами.

– Как там дела? – хрипло спросила Ребекка-один.

– Мне придется повернуть тебя на бок. – Ребекка-два постаралась сделать это как можно осторожнее. Ей нужно было обследовать спину сестры. Как она и предполагала, там обнаружилось выходное отверстие пули. Ребекка-два со свистом выпустила воздух сквозь зубы.

– Как там? – повторила Ребекка-один. – Просто скажи.

– Могло быть и хуже. Плохая новость – ты потеряла много крови. Хорошая – пуля прошла навывлет и не задела внутренние органы, только мягкие ткани...

– Какие еще ткани! Хочешь сказать, что я толстая? – прорычала Ребекка-один.

– Ты всегда была слишком высокого мнения о своей внешности! – фыркнула Ребекка-два, укладывая сестру поудобнее. – Пуля прошла навывлет, так что мне не придется ничего из тебя выковыривать. Но надо остановить кровотечение. А ты знаешь, что это значит...

– Знаю. – Ребекка-один почти беззвучно прошептала эти слова, но затем немедленно впала в ярость. – Не могу поверить, что мелкий гаденыш сделал это со мной! Подстрелил меня! Уилл меня подстрелил! Будь он проклят!

– Успокойся! – прикрикнула Ребекка-два, отрывая от своей рубашки широкую полосу для повязки.

Ребекка-один продолжала сыпать проклятиями.

– Он сделал большую ошибку, не прикончив меня! Ему следовало сделать это, пока у него был шанс, потому что теперь я вернусь за ним! И когда я его достану, то уж удостоверюсь, черт подери, что ему так же больно... В миллион раз больнее, чем мне сейчас!!!

– Конечно-конечно! – покладисто согласилась Ребекка-два, отрывая еще одну полосу от рубашки и сматывая ее как бинт.

– Я хочу прирезать эту мелкую свинью и выпустить из нее всю кровь! Но только медленно! Он будет умирать дни... Нет! Недели! – Ребекка-один впала в исступление. – И еще он украл наш Доминион! Он заплатит за это...

– Мы вернем Доминион, успокойся. А теперь, будь любезна, заткнись на некоторое время. Тебе надо поберечь силы. Я перебинтую раны потуже...

Ребекка-один со свистом втянула воздух, а когда сестра начала бинтовать ее, стигийка не сдержала отчаянного крика боли, эхом отразившегося от стен туннеля.

* * *

– Поторопись, мой хороший! – окликнула Марта Честера, раздумывавшего, что из вещей нужно взять с собой. Он не ответил, но это стоило ему немалых усилий – Честер был на грани взрыва.

Оставь меня в покое!

Она и впрямь напоминала чрезмерно заботливую тетюшку, вечно пристающую со своими поучениями и тревожными взглядами. Кроме того, от нее страшно несло потом и немытым телом – особенно после того, как они тащили лодку от причала до дока.

– Не трать времени попусту, мой хороший! – Голос у нее был плаксивый и слабый.

Он больше не мог этого выносить. Постоянное нытье, навязчивое внимание, бестолковая забота о нем... Она все время старалась держаться поближе к нему, и Честера это выводило из себя. Он добавил пару вещей в рюкзак, вскинул его на плечо. Туго набитый, он заставил Марту отступить, но только на шаг. Честер торопливо обошел Марту и вышел обратно на пристань.

Впрочем, через несколько секунд она его опять нагнала и потащила сзади, словно старая настырная псина.

– Куда теперь? – недовольно спросила Марта, пока Честер пытался вспомнить инструкции Уилла. Он слышал ее тяжелое хриплое дыхание – словно Марту что-то встревожило или она наконец-то осознала, в какой ситуации оказалась.

Ее постоянные придирки и поучения изводили Честера, а ведь она и сама была далеко не подарок. По любому поводу впадала в ярость, сыпала проклятиями. В последнее время Честера эти вспышки даже начали пугать.

– Я не знаю. – Он старался, чтобы его голос звучал спокойно и дружелюбно. – Но если Уилл сказал, что это здесь, значит, здесь и надо искать.

Они бродили между одноэтажными зданиями – довольно неприглядного вида строениями, зиявшими провалами окон без стекол. Невозможно было понять, для чего они предназначались – единственными отметками на них были полустершиеся белые номера. Что-то злое витало в воздухе – дрожь прошла по спине Честера. Он вдруг подумал, что когда-то здесь размещали солдат, и те жили в полной темноте и изоляции... Теперь здания были пусты, и только ветер посвистывал среди груд щебенки и перекрученных прутьев арматуры.

Марта засопела еще громче, с ее губ сорвалось очередное ворчание-проклятие, когда Честер увидел то, что искал. Проход.

– Ага! Вот он! – Честер искренне надеялся, что это отвлечет Марту. Они ведь оба знали, что где-то здесь должен быть проход, который описывал Уилл.

– Да, – безучастно откликнулась женщина.

Честеру показалось, что она разочарована. Страдальчески нахмурившись, словно предчувствуя неприятности, Марта первая полезла в расселину между бетонными блоками. Честер не последовал за ней сразу, сморщил нос и огляделся по сторонам. Впрочем, вонь шла не только от Марты: лужа, в которой он стоял почти по щиколотку, тоже издавала отчетливое зловоние – смесь гниения и нефти.

Честер досадливо фыркнул. Не может он больше терпеть эту вонь! Краем глаза он заметил какие-то деревянные обломки, а затем несколько пустых бочек из-под топлива. Одна из них медленно перекатывалась с боку на бок, стучась об стену и издавая гулкий звон наподобие колокола на маяке...

Только вот этот звук был не единственным. Еще какое-то ритмичное постукивание...

Честер уставился на смятую жестянку из-под диетической колы, по которой прокатывалась бочка. Красно-серебряная этикетка казалась такой яркой и чистой на фоне всей этой разрухи... Честер почувствовал, как отчаянно забилося сердце. Эта банка была приветом из его мира, с поверхности! Интересно, оставил ли ее Уилл здесь специально, когда они с доктором Берроузом пришли в этот подземный порт, чтобы вновь пуститься в опасное путешествие в глубину? Честеру нравилось думать, что эта банка находится здесь не случайно. Это привет от его лучшего друга...

Марта заметила, что Честер стоит, уставившись на смятую банку, и проворчала, что пора идти. Для нее эта банка была обычным мусором и абсолютно ничего не значила.

Они миновали узкий проход и оказались в комнате внутри заброшенного здания. В том самом месте, о котором рассказывал Уилл, обнаружился вход в комнату поменьше, а в ней – лестница. Именно по этой лестнице они должны были выбраться наверх. Марта ощупала стену и начала медленно и неуклюже взбираться по ней...

Неужели я добрался? Не могу поверить!

Эта мысль билась в голове Честера, пока Марта упорно пробиралась к свету. Когда люк был откинут, яркий свет ослепил его, хотя Честер предусмотрительно прикрыл глаза ладонью. Он слепо зашарил руками вокруг себя и опустился на четвереньки, мгновенно ослепнув. Рядом стонала и бурчала Марта, тоже на время ослепшая.

Они спрятались обратно в темноту, и Честер стал ждать, пока глаза привыкнут к пробивающемуся сквозь люк свету.

Кстати, было не так уж рано: солнце клонилось к закату, а небо было затянуто облаками.
– Ну вот мы и на месте, мой хороший. – В голосе Марты звучали просительные нотки. Она явно хотела поговорить...

Это был великий момент в жизни Честера. Он выбрался из мрачных подземных глубин, вернулся в свой мир после бесчисленных дней, проведенных во тьме. И тут снова этот голос! – Проклятое Верхоземье! – В словах Марты звучало отвращение.

Она замотала лицо засаленным шарфом, оставив лишь узкую щелочку для глаз. Она наблюдала за Честером, который вдруг понял, что ей потребуется много времени, чтобы привыкнуть к яркому свету.

В мозгу у него тут же вспыхнула идея.

Я же могу ее бросить!

Может ли он сбежать? Пока ее глаза не привыкнут к свету, она не сможет последовать за ним.

Это мой шанс...

Пока он обдумывал эту возможность, Марта сопела, щурясь от яркого света. Потом она громко чихнула, и Честер услышал, как заклокотали сопля у нее в носу. Марта принялась прочищать ноздри краем грязного шарфа так тщательно, словно выдавливала последние капли зубной пасты из пустого тюбика...

Честер вспомнил, как он с Уиллом и Кэлом впервые попали в Глубокие Пещеры... Там он сделал кое-что отвратительное. Уилл посчитал это отвратительным... Честер вновь подумал о своем друге и том времени, которое они провели вместе, деля беды и радости на двоих. Внезапно он понял, что больше не сердится на Уилла. Совсем. Честер понятия не имел, выжил ли Уилл после того, как последовал за своим отцом в Пору под названием Дымящая Джин... И выжила ли Эллиот, решившая отправиться вслед за ними...

Честер поежился.

Все ушли. Возможно, все уже мертвы, и он больше никогда их не увидит.

А может быть, они продолжают путешествие, то самое Большое Приключение, в которое они с Уиллом ввязались в один прекрасный день, обнаружив в подвале дома Берроузов заброшенный туннель. Честер подумал, что называет это Приключением, и с удивлением понял, что немного скучает по тем дням.

Их троица совершала удивительные поступки... Доктор Берроуз, Уилл и Эллиот... Эллиот...

Эллиот!

Он представил ее так ясно, словно она прямо сейчас стояла перед ним... Вспомнил, как она выпила волчий глаз... ее озорную улыбку, с которой она предложила ему тоже попробовать...

Честер испытывал искреннее восхищение и благодарность, когда думал об Эллиот: она спасла его, не дала погибнуть – благодаря своим необычайным умениям. Но ярче всего он помнил ту ее улыбку, и это воспоминание наполнило его душу тоской по утраченному и чувством, что он осиротел.

Честер вздохнул, приходя в себя, и напомним себе, что теперь он на поверхности, и все наладится... Там, внизу, он так много раз оказывался буквально в шаге от смерти... а здесь НАВЕРНЯКА будет легче. Должно быть.

Во всяком случае, он изо всех сил себя в этом убеждал – особенно после того, как Марта выковыряла из носа громадную серую соплю и размазала ее по собственному пальто...

Пожалуйста!..

Мысленно взмолился он, не зная толком, к кому именно обращается.

Неужели все это правда: он вместо Эллиот выбрал эту кошмарную старуху?

Честер поспешно отвернулся от Марты и проговорил:

– Да, мы на месте. Мы в Верхоземье. Все в порядке.

Свет стремительно тускнел – на землю опускалась ночь. Марта видела все лучше и лучше. Сквозь щель чуть отодвинутого люка они уже могли разглядеть здания, явно нежилые...

Через несколько часов, когда совсем стемнело, они решились выбраться из своего убежища. Путь их лежал между невысокими строениями, постройками на территории небольшого аэродрома. Уилл говорил, что это предместье Норфолк, в нескольких милях от Лондона.

Они крадучись пересекли то, что когда-то, вероятно, было площадкой для встреч официальных делегаций – сейчас здесь было пустынно и тихо, сквозь трещины в асфальте проросла трава. Честер быстро обследовал небольшой открытый грузовичок, припаркованный неподалеку. Возможно, он принадлежал рабочим-строителям или продавцам с местного рынка. Догадка Честера подтвердилась, когда он увидел почти достроенное здание и суетящиеся вокруг фигурки в ярких строительных жилетах – с тех пор как доктор Берроуз и Уилл были здесь в последний раз, дела явно продвинулись далеко вперед.

Затем он увидел здание диспетчерской: окна ярко освещены, рядом с дверями припаркован «лэндровер». Уилл предупреждал, что летное поле охраняется, вероятно, это и были охранники. Ветер доносил до Честера их голоса и смех.

– Мы могли бы обратиться к ним за помощью... – нерешительно предположил он.

– Нет! – коротко ответила Марта.

Он не стал спорить с ней. Они уже миновали освещенное здание, когда Марта схватила его за руку и яростно прошипела:

– Мы не пойдем ни к кому за помощью! Никогда! Верхоземцы – это зло!

– Хорошо-хорошо... не пойдем... – Честер даже отшатнулся, слегка испуганный яростью, звучавшей в ее голосе.

Впрочем, испарилась эта ярость так же быстро, как и вспыхнула, и на круглом лице расцвела неуверенная улыбка. Честер не мог бы точно сказать, какое выражение лица Марты ему нравится больше. Ясно было одно: ему придется следить за тем, что он говорит...

* * *

Практически неся сестру на себе, Ребекка-два мысленно возблагодарила здешнюю силу тяжести – при нормальной гравитации она вряд ли смогла бы пройти по узкому неудобному туннелю хоть несколько шагов. Раненая девушка вновь потеряла сознание, но Ребекка-два все равно разговаривала с ней – просто, чтобы не идти в мертвой тишине.

– Вот увидишь, мы что-нибудь придумаем... С тобой все будет хорошо...

Состояние сестры на самом деле сильно беспокоило ее. Самодельная повязка вроде бы помогла, кровотечение замедлилось, но Ребекка-один уже потеряла много крови. И выглядела очень плохо.

Как бы там ни было, Ребекка-два не собиралась сдаваться – и потому шагала вперед, неся свою драгоценную ношу на плечах. Километр за километром. Едкая пыль поднималась от проржавевших рельсов, по которым она брела. По дороге ей попадалось множество проходов в боковые туннели, но она твердо придерживалась главного, уверовав в то, что именно он и выведет их.

И вера ее была вознаграждена – вскоре она наткнулась на обломки каких-то механизмов, мертвое и ржавое свидетельство того, что когда-то кто-то прокладывал эти туннели и вел подземные работы. Она не стала останавливаться, чтобы осмотреть инструменты и оборудование – и так было видно, что это помпы и старые генераторы. На некоторых можно было бы попытаться рассмотреть марку производителя, но зачем, ведь и так было понятно, что это продукты технологии Верхоземья, навеки похороненные в глубоких шахтах. Попадались по дороге и старые кирки, и лопаты, и каски.

Главной задачей Ребекки-два было добраться до выхода. Она уже начинала испытывать голод и жажду, но, кроме того, нужно было найти для сестры сухую одежду и хоть какие-то лекарства. Ребекка-два тихо выругалась, вспомнив оставленные впопыхах перевязочные пакеты, а куртки пришлось бросить, когда на них неожиданно напали Уилл и Эллиот.

Еще через несколько километров, когда один ее ботинок безвозвратно погиб, девушку встревожил какой-то странный шум.

– Ты это слышишь? – Она задала вопрос сестре, вовсе не ожидая от нее ответа, и остановилась, переводя дыхание и прислушиваясь. Шум был далеким и походил на вой. Пройдя еще немного, Ребекка почувствовала на лице дуновение свежего ветра, а шум ошутимо приблизился. Надежда придала девушке сил, и она прибавила шаг. Вскоре впереди забрезжил свет.

– Дневной свет... думаю, это вполне может быть он... – С каждым шагом свечение становилось все отчетливее.

Рельсы шли дальше, но с одной стороны туннеля из-за завалов камней пробивался свет. Насколько Ребекка-два могла судить, он был естественного происхождения. Впрочем, после стольких часов, проведенных в темноте, освещаемой лишь слабым зеленоватым лучом светосферы, Ребекке все равно было больно смотреть в ту сторону.

– Я тебя оставлю здесь ненадолго, – пробормотала Ребекка-два, аккуратно опуская сестру на землю.

Затем, прикрывая ладонью глаза, она двинулась на свет. Порывы ветра стали настолько сильными, что шла она с трудом.

Девушка уговаривала себя потерпеть и не смотреть на свет раньше времени и наконец смогла осторожно убрать руку от глаз... Сквозь пролом в скале она увидела чистое небо. В сочетании с мощными порывами свежего ветра создавалось впечатление, что она находится где-то очень высоко...

– Выходит... все это время... я карабкалась на гору? – пробормотала Ребекка-два.

Пожав плечами, она подошла ближе к пролому.

И вскрикнула от изумления.

– Ты должна это видеть! Тебе понравится! – Ребекка-два обернулась к бесчувственной сестре.

Далеко внизу лежал город, который делила пополам лента реки. Проследив за этой блестящей лентой, девушка увидела, что у самого горизонта река впадает в огромный, без конца и края, водоем.

– Океан?!

Впрочем, это было неважно. Надежду ее душе подарил вид города. Судя по всему, он был достаточно велик, здания тоже казались большими. Даже с такого далекого расстояния можно было различить большую декоративную арку, чем-то напоминавшую Триумфальную в Париже. От арки во все стороны расходились прямые линии широких улиц. Классические пропорции высоких зданий также были хорошо различимы. Здания группировались в кварталы, и Ребекка-два смогла разглядеть, что ближе к окраинам города дома были явно ниже и меньше.

И уж во всяком случае, это не был город-призрак, в нем жили люди.

Если еще сильнее напрячь зрение, то можно было разглядеть почти микроскопические машины, сновавшие по улицам, хоть отсюда они и казались размером с муравья.

Она уловила далекий гул моторов, разглядела стальную стрекозу – вертолет, пролетевший над городом. Вертолет был необычный, она никогда не видела таких в Верхоземье. Винты с лопастями располагались с двух его сторон.

– Что же это такое?! – тихо произнесла Ребекка-два.

Теперь она до боли в глазах всматривалась в то, что решила считать океаном. На ослепительно блестящей водной глади она разглядела корабли и лодки. Однако наибольшее впечат-

ление на нее произвели не все эти детали, а ощущение порядка и спокойной мощи, исходившие от этого города. Ребекка-два кивнула сама себе.

– Отличное местечко!

Глава 3

Уставшие до полусмерти Честер и Марта шли вперед и вперед. Они шли через пустынные поля, миновав бесчисленное множество пустующих домов и безжизненных улиц и дорог. Настроенная решительно Марта упрямо шла впереди, хотя Честер подозревал, что она понятия не имеет, куда идти. Он, правда, тоже этого не знал и потому тащился за ней. Пока никакого альтернативного плана в голову ему не пришло, но он знал, что когда этот план появится, Марте в нем места не будет.

По дороге Честер думал о Дрейке и о том, как бы отправить ему еще одно сообщение. Если ничего не получится, тогда он рискнет позвонить родителям. Правда, для этого требовался телефон, и Честер понимал, что времени на звонок у него будет немного. Марта сделает все возможное, чтобы не дать ему вступить в контакт с «нечестивыми верхоземцами», так что придется как-то исхитриться и ускользнуть из-под ее надзора. Решение сбежать крепло в нем с каждым шагом – больше всего он хотел избавиться от общества Марты.

Когда небо начало светлеть, они остановились на привал посреди небольшой рощи, со всех сторон окруженной полями. Рассвет еще только брезжил, но птицы уже начали петь. Честер и не представлял, что они могут так звонко голосить и что их так много. Повсюду кипела проснувшаяся жизнь. Ничего этого не было в тех местах, к которым он привык. Там если и появлялось какое-то живое существо, то только для того, чтобы попытаться сожрать его... или быть сожранным им.

И еще он никогда не видел и не слышал столько птиц одновременно.

Я городской житель, напомнил Честер сам себе. Вокруг звенела и гремела какофония птичьих трелей, но постепенно он перестал обращать на нее внимание. Он думал о том, что последний раз был в Хайфилде когда-то очень давно, настолько давно, что Честер больше не знал и не понимал, кто же он такой...

Марта возилась поблизости. Она наломала веток и построила нечто вроде двойного шалаша рядом с большим деревом. На взгляд Честера, шалаша стояли слишком близко друг к другу, но он не сказал ни слова. Он был слишком измучен и мечтал только об одном – улечься и поспать. Они с Мартой разжились спальными мешками: прихватили их в одном из заброшенных домов, и Честер как раз вытянул свой из рюкзака, когда до него донесся странный шипящий звук.

– Это ты, Марта?

– Тихо! – Голос Марты был тихим и напряженным.

– Что ты говоришь?

Она на четвереньках, по-крабьи, подобралась к нему поближе. Честер повернулся, чтобы посмотреть на то, что она там увидела, но в этот момент Марта толкнула его на землю, а сама упала сверху.

– Тихо! Тихо!! Тихо!!!

Она шептала это, прижимая его к земле и пытаясь закрыть ему рот ладонью. Лицо ее было всего в нескольких сантиметрах от лица мальчика, и Честер мог разглядеть жесткие рыжие волоски у нее на подбородке.

– Нет! – взвыл он и попытался вырваться.

Они покатались по земле, но Марта по-прежнему не отпускала его. Честер орал на нее, но она упрямо пыталась зажать ему рот.

Он яростно отпихивал ее руки от лица, оба тяжело дышали и осыпали друг друга сдавленными проклятиями. Честер удивился тому, как она сильна... Они катались по земле, с треском ломая ветки и сучья, приминая траву и награждая друг друга звучными шлепками.

– Прекрати! – вскричал он.

Он занес стиснутый кулак, уже готовый нанести удар... и замер. В мозгу всплыли слова его отца.

Никогда не смей бить женщину!

Честера передернуло.

– Женщина! – горько пробормотал он, пытаясь сообразить, подходит ли Марта под это определение.

В любом случае, надо было прекратить эту идиотскую драку.

Он все-таки ударил. Голова Марты мотнулась вбок, хватка ослабла. Сразу подняться на ноги Честер не мог и потому просто отполз от нее подальше.

– Какого черта! Что с тобой?! – прорычал он, боясь, что она снова бросится на него. Дыхание сбилось, и он произносил слова прерывистым, срывающимся голосом: – Ты окончательно спятила?

Она поползла было в его сторону, но затем остановилась, поднялась на колени. Казалось, она совсем не сердится, напротив, в ее глазах горел ужас, когда она обводила взглядом верхушки деревьев, потирая ушибленный подбородок.

– Неужели ты не слышишь? – прошептала она с тревогой.

– Не слышу что? – Честер напрягся, готовый отскочить при первом же ее движении.

– Этот шум...

Он ответил не сразу.

– Все, что я слышу, это миллион чертовых птичек. Вот и все.

– Это была не птица. – Марта дрожала от страха.

Она по-прежнему смотрела вверх, на серое небо, проглядывающее сквозь ветви деревьев.

– Это был Пресветлый. Я слышала свист его крыльев. Один из них выследил нас. Они умеют следить, я же говорила тебе, они занимаются этим там, в Глубоких Пещерах. Если они напали на след, уже не удастся...

– Пресветлый? – перебил ее Честер. – Это чушь. Какой-нибудь голубь или воробей пролетел над нами, только и всего. Нет здесь никаких Пресветлых, чертова идиотка!

С него хватит! Он знал о Пресветлых – это были гигантские твари, похожие на бабочек, обожавшие свежее мясо. Особенно человечину. Хотя Пресветлые и являлись самым страшным кошмаром Глубоких Пещер, особенно в тех местах, где жила Марта, Честер не мог допустить мысли, чтобы одна из этих зверюг пробралась за ними на поверхность.

– Ты совсем спятила!

Марта снова потерла ушибленный подбородок.

– Я просто пыталась защитить тебя, Честер, – голос ее звучал безжизненно. – Пыталась загородить. Если бы он напал... то схватил бы меня, а не тебя.

Честер не знал, что и думать.

Он паршиво себя чувствовал из-за того, что ударил Марту. А если она считала, что им угрожает реальная опасность... тогда понятно, почему она себя так вела... и он должен быть ей благодарен...

Но разве это мог быть Пресветлый?

Марта решила, что слышит одного из них. Она и сейчас как-то странно себя вела. Честер видел, как она тревожно шарит взглядом между деревьями, словно пытаясь что-то высмотреть...

Потом она с трудом поднялась и заковыляла обратно к шалашам, закончила с ними и принялась готовить еду. Когда все было готово, Честер взял у нее из рук свою порцию, не сказав ни слова. Он слишком устал, чтобы спорить с ней, тем более ссориться. Они молча ели, и Честер снова и снова прокручивал в голове произошедшее. Пресветлый или нет, решил он в конце концов, но отсюда надо убираться поскорее. Поскорее!

* * *

Ребекка-два вышла на солнце. Сестру она с собой не взяла, решив для начала осмотреться. Прямо перед ней расстиралось узкое каменистое плато, слева ограниченное скалами. Скалы были слишком крутыми и острыми, чтобы пытаться преодолеть их, хотя Ребекка-два и полагала, что увиденный ею город располагается как раз с другой стороны гряды.

Рельсы продолжались еще несколько метров, а потом упирались в какое-то небольшое строение. Позади домика виднелась узкая разбитая дорога. Ребекка-два подумала, что, может быть, она ведет прямо в город.

Налетел ветер, взметнул ее длинные волосы, и она отвернулась, пряча лицо.

– Значит, я лезла на гору... – снова пробормотала она, глядя на верхушки гигантских деревьев, покрывающих склоны гор до самого горизонта.

Она вернулась к сестре и осторожно обняла ее, поддерживая.

Вообще-то Ребекка-два пребывала в крайнем изумлении. Хотя город и было хорошо видно, но гора оказалась такая высокая, очень высокая...

– По дороге из желтого кирпича... я помню, помню, – вздохнула она, чувствуя, как горит под обжигающим ветром кожа. Девочка повернулась и посмотрела на покосившееся здание.

Плато было совершенно открытым, солнце палило нещадно, и ни единой травинки не пробивалось сквозь раскаленные камни.

– Надо перенести тебя в тень! – сказала Ребекка-два сестре. Та ответила лишь слабым стоном.

Заброшенное здание выглядело достаточно крепким – сложенное из бревен, покрытое листовым железом, оно прочно стояло на фундаменте. И в нем можно было укрыться от жары. Разместив сестру с максимальными удобствами, Ребекка-два продолжила исследовать место, в котором они оказались. Возле домика высилась груда проржавевших вагонеток, и девушка заглянула в одну из них.

– Руда! – Она задумчиво повертела в руках кусочек породы.

Было очевидно, что вагонетки вывозили добытую руду из шахты. В самом домике Ребекка так и не нашла ничего полезного. Когда она бродила по нему, из-под ног выкатилось несколько пустых пивных бутылок.

– Лучше бы здесь была вода... – пробормотала она, глядя на бутылки.

Пройдя домик насквозь, она вышла и обнаружила старый грузовичок-трехтонку. Резина его шин истлела и пересохла и теперь свешивалась с ободов уродливыми ключьями. Ребекка задумчиво тронула полустершуюся эмблему на радиаторе, на ней еще можно было разобрать часть надписи – БЛИТ – и изображение космической ракеты, одной из самых первых. Позади грузовичка стояли четыре больших бочки из-под горючего. Ребекка понюхала их.

– Бензин...

Она мрачно посмотрела на разбитую полуразрушенную дорогу, уходящую от домика и заворачивающую за скалу.

– Значит, вот туда мы и направимся...

Она была права. Это единственный путь от шахты в долину и для транспорта, и для пешеходов.

Сквозь вой и свист ветра она слышала, что сестра зовет ее. Обе они очень устали, их мучили голод и жажда, но еще больше Ребекка-один нуждалась в медицинской помощи. Если она ее не получит... Ребекка-два не строила на этот счет никаких иллюзий: будет крайне удивительно, если в этом случае ее сестра выживет.

Она уже возвращалась к сестре, когда уловила краем глаза какое-то движение. Замерла на месте.

Среди деревьев сверкнуло, и в небо стремительно ушла вертикальная вспышка. Она чертила на голубом фоне тонкую ровную алую линию, словно надрез хирургического скальпеля на коже...

Это было не просто свидетельство чьего-то присутствия, не просто сигнальная ракета. Для девушки-стигийки важнее всего был ее цвет.

Сухие губы Ребекки-два искривила торжествующая улыбка.

– Да! – прошептала она. – Три... два...

Она лихорадочно отсчитывала секунды, боясь спугнуть надежду.

– ОДИН!

Ракета все еще продолжала чертить линию по небу, но теперь цвет изменился с малинового на черный. Угольно-черный. Затем ракета исчезла в бесшумном взрыве, оставив лишь небольшое облачко, которое быстро рассеялось, не оставив и следа.

– Красное и черное! – воскликнула Ребекка, не в силах сдержать радость. – Будь благоденственны СОПы!

СОПы – Стандартные Оперативные Процедуры – проводились Граничниками стигийцев.

Теперь Ребекка знала, что не одинока. Где-то там, в лесу, был один – или несколько – из ее прекрасно обученных, вооруженных бойцов, пытающийся связаться с другими стигийцами в этом районе. Граничники обычно действовали крайне осторожно и никогда не обнаруживали своего присутствия без самой крайней необходимости. Только в исключительных обстоятельствах, а сейчас они были именно такие. Ребекка-два не сомневалась – сигнал был подан для нее и ее сестры.

Теперь ей нужно как-то ответить на этот сигнал. Она должна дать понять своим людям, где находится. Ребекка в отчаянии оглядывалась по сторонам, и тут ее взгляд упал на бочки из-под горючего.

– То, что надо! – От волнения ее голос слегка дрожал.

Нужно было хотя бы попытаться. На горизонте она заметила два больших столба дыма – вероятно, в лесу жгли костры, – но они были далеко. Если она сможет зажечь собственный костер, этого должно хватить.

Однако потом она вспомнила, что у нее с собой ничего нет. Даже если в бочках осталось горючее, как она сможет поджечь его?

– Думай, думай, думай!!!

Она подняла голову и посмотрела на небо. И тут ее осенило:

– Стекло! Бутылки!!!

Ребекка-два кинулась обратно в здание.

– Тебе надо в безопасное место! – быстро сказала девушка сестре, подхватила ее под мышки и потащила в сторону входа в шахту. Затем вернулась в здание и подобрала одну из пустых бутылок, после чего направилась к бочкам из-под горючего.

Она не могла увидеть, было ли что-то в бочках, – они остались запаянными, только узкие горлышки на крышках были открыты. Вооружившись веткой, она залезла на одну из бочек. Проржавевшее железо разорвалось у нее под ногой, и Ребекка смогла заглянуть в бочку. Она была пуста. Горючее давно испарилось до последней капли. Ребекка выругалась.

Она перешла к следующей бочке. Эта сохранилась лучше. Ребекка попыталась сбить колпачок, закрывающий горловину, но у нее ничего не получилось.

– Ну, давай же! – крикнула она в отчаянии.

Время поджимало – на сигнал Граничников надо было отвечать как можно быстрее. Ребекка не оставляла попыток отбить колпачок, и в конце концов он начал поддаваться, потом отскочил с негромким хлопком, и в нос Ребекке ударил резкий запах бензина, заставив ее поморщиться.

– Отлично!

Она сунула ветку внутрь и достала ее, ветка была мокрой от бензина. Бочка оказалась почти полна. При помощи ветки Ребекка-два смочила бензином поверхность крышки вокруг горлышка.

Она разбила бутылку об камень и выбрала лучший из осколков – круглое и толстое доньшко. Протерла его обрывками собственной рубашки, затем опустила на колени, держа стекло над мокрой веткой, и стала пытаться поймать солнечный луч.

На ее счастье, солнце было очень ярким, и на то, чтобы поджечь бензин, ушло несколько секунд. Девушка вскочила на ноги, удостоверилась, что ее импровизированный факел горит ярко и сильно, хорошенько прицелилась, метя в бочку. Швырнув ветку, она стремительно кинулась в сторону, перекатилась по земле, вскочила и бросилась бежать со всех ног.

Пробежать она успела всего метров двадцать, когда позади раздался громкий хлопок, а затем рвануло по-настоящему. Ревущий столб пламени вырвался из бочки, и она взлетела на воздух, а Ребекка повалилась на землю, закрыв голову руками. Жар опалил ей шею и спину, но она лежала, вжимаясь лицом в землю. Раздались еще два взрыва – загорелись еще две бочки. Охваченные огнем, запылали и грузовик, и само здание.

К тому времени как Ребекка-два добралась до сестры, грузовик и здание были полностью охвачены пламенем, и черный дым повалил в небо. Прекрасный черный дым, совершенно непохожий на идиллические дымки от костров.

Ребекка-один сидела, встревоженная звуками взрывов.

– Что там? – спросила она, пытаясь разглядеть происходящее.

– Подкрепление, – коротко ответила ее сестра.

– Ха!

– Наши люди знают, что мы здесь, и пошлют к нам помощь, – рассмеялась Ребекка-два. – Граничники пришли.

* * *

Граничники в лесу увидели черный дым, поднимающийся со склона горы. Словно черный столб, он вставал на горизонте, и не заметить его было невозможно даже без бинокля. Трое разведчиков, сидевших на деревьях, не стали шуметь, они просто несколько секунд внимательно рассматривали дым, запоминая место, откуда он поднимается. Хотя расстояние было велико, не оставалось никаких сомнений, что источником дыма стал сильный пожар и начался он недавно и резко.

Разведчики просигналили друг другу жестами и быстро соскользнули на землю, где их ждали остальные члены разведгруппы. Ни одного слова произнесено не было, но уже через несколько мгновений лучшие бойцовые ищейки стигийцев, а с ними отряд Граничников численностью 50 человек растворились в лесу, держа курс на столб черного дыма.

До этого момента они не знали, что им делать дальше. Они понятия не имели, где могут находиться близнецы-стигийки. Однако получив ответный сигнал, они устремились вперед и шли до тех пор, пока не достигли подножия горы и не добрались до источника черного дыма.

Остановить их не могло ничто на свете.

Если бы кто-то мог их видеть, то поразился бы сходству людей и собак, с одинаковой целеустремленностью несшихся через лес к горам, в сторону зловещей черной тучи, встававшей над землей.

Глава 4

– Где этот чертов город? – пробормотала Ребекка-два.

Она прекрасно понимала, что нужно дождаться подкрепления, но решила спуститься Граничникам навстречу. Вероятно, она прошла около пяти километров по разбитой узкой дороге, тянувшейся между отлогих холмов, заросших лесом. Деревья заслоняли горизонт, из-за них девушка не могла толком понять, ни сколько она уже прошла, ни сколько осталось идти до города. Изнуряющая жара и бесчувственное тело сестры не облегчали пути, и Ребекка-два ощущала, как силы покидают ее.

Она в который раз подумала, что им необходимо найти воду, и в этот момент увидела, что дорога круто изгибается и начинает идти вверх.

– О нет! Мне надо передохнуть, иначе я сдохну!

Последнее слово достигло затуманенного сознания Ребекки-один, и она пробормотала:

– Уилл!.. Он должен сдохнуть... Сломаю ему шею... Убью его...

– Очень хорошо. Думай о приятном! – подбодрила сестру Ребекка-два.

Хотя повязка замедлила кровотечение, полностью оно не прекратилось, это беспокоило Ребекку-два.

– Уже недалеко. Ты просто молодец, – соврала она.

Дорога стала совсем труднопроходимой, вся она была усыпана острыми камнями и изрыта ямами, поэтому Ребекка-два несказанно обрадовалась, увидев, что впереди начинается более или менее легкий отрезок пути. Через несколько минут они выбрались из распадка, и девушка смогла увидеть уже не одни только деревья.

Она остановилась, утирая соленый пот, заливавший ей глаза.

– Посмотри-ка на это!

Они миновали гористую местность, но не только это придавало сил.

Прямо перед ней шла дорога, настоящая дорога. И упиралась она в высокую стену, поверху густо увитую колючей проволокой. Однако Ребекка-два разглядела нечто более важное. За стеной виднелись массивные фабричные трубы. Девушка окликнула сестру.

– Ты должна посмотреть на это!

Ребекка-один со стоном подняла голову и попыталась разлепить веки.

– Цивилизация... – прошептала она.

– Да. Только вот вопрос – чья цивилизация? – задумчиво процедила ее сестра, неотрывно вглядываясь в верхушки труб.

– Неважно... поторопись, пожалуйста! – простонала Ребекка-один. – Чувствую себя ужасно!

– Прости.

Ребекка-два торопливо шагнула вперед. Дорога была покрыта не асфальтом и не гудроном, которые неминуемо расплавились бы под здешним палящим солнцем, а забетонирована. Светлая и довольно ровная, она была проложена с большой тщательностью и выглядела почти идеально. Вполне возможно, что за нее отвечали государственные дорожные службы... но в любом случае тот кто заботился о дороге, очень любил порядок.

Ребекка-два упорно держала курс на скопление труб за стеной, однако вскоре заметила еще один промышленный комплекс, чуть вдалеке от дороги. Этот комплекс состоял из больших строений, сверкающих стеклом и сталью. Были видны колонны и целый лес блестящих труб. Белые клубы пара или дыма то и дело вырывались из них, словно весь комплекс негодовал на тех, кто заставил его работать в такую жару.

По ровной дороге идти было удобнее и легче, так что Ребекка-два приободрилась. Вскоре она увидела, что стена заканчивается как раз возле сверкающего комплекса. Дойдя до угла, она

увидела, что дорога поворачивает налево и превращается в двухполосное шоссе, посередине которого в ряд высажены пальмы.

Воздух над ним был раскален до такой степени, что даже серебрился, словно ртуть. Ребекка-два тщетно напрягала зрение – людей нигде не было, только у обочины виднелась одна-единственная машина, к которой она и поспешила, по пути отметив, что тротуары чисто выметены, а усаженная пальмами полоса выглядит довольно ухоженной. Это обстоятельство, а также то, что завод был явно действующий, подсказывало, что рано или поздно людей она встретит, а значит, ее сестре будет оказана помощь.

– Это машина... – протянула она неуверенно, подходя к машине. – Но какой марки?

Осторожно опутив сестру на мостовую, она принялась обследовать автомобиль. Как будто обычный «жук» – так ей показалось, – однако немного больше и приземистей, чем привычные «фольксвагены» Верхоземья, и с другими фарами. Серебристого цвета, без единой царапины или вмятины, но явно не новый. Прикрыв рукой глаза, Ребекка всматривалась в тонированные стекла, пытаясь разглядеть внутреннее устройство машины. Оно оказалось довольно простым: стальная приборная доска с обычными спидометром, часами и датчиками. Девушка подергала дверь со стороны водительского места, но она оказалась заперта. Остановившись возле переднего колеса, Ребекка уставилась на эмблему на колпаке и пробормотала:

– Да, это «фольксваген»... Но я никогда не видела такой модели.

Услышав какой-то шум, она быстро выпрямилась и посмотрела на дорогу перед собой. Даже сквозь жидкое марево горячего воздуха она разглядела очертания большого грузовика, только что сбросившего скорость и поворачивающего на перекресток.

– Давай, сестричка! – пробормотала Ребекка-два, поднимая сестру. Та пробормотала что-то неразборчивое. Лицо Ребекки-один было белым как бумага, только под глазами залегли черные круги.

– Сейчас нам помогут. Потерпи.

Ребекка-два искренне надеялась, что это правда и в конце улицы их ждет та самая помощь, в которой они так отчаянно и так срочно нуждались!

* * *

Честер осторожно высунулся из спальника. Солнце уже встало, но он понятия не имел, какой сейчас час. Посмотрев сквозь ветви шалаша, Честер решил, что Марта мирно спит в своем спальнике. Больше всего она напоминала кучу грязных тряпок, сваленную на траву. В принципе Честер так о ней и думал. Несколько мгновений он настороженно наблюдал за спящей, не двигаясь и не издавая ни звука.

Глупая корова ни о чем не догадывается. Пора делать ноги.

Он убеждал себя в этом, слишком хорошо помня, как она вела себя, пытаясь спасти от предполагаемой атаки Пресветлого. Это оказалось последней каплей, и он не намерен был больше терпеть ее идиотское поведение.

Я же ничего ей не обещал...

Он решился и выскользнул из спальника и шалаша, стараясь не издать ни единого звука. *Да я ей и не нужен. Она вполне может позаботиться о себе сама...*

Честер снова заглянул в шалаш Марты. План его был прост. Он собирался добраться до своего дома в Лондоне. Даже если весь этот путь придется проделать пешком. Поскольку у него не было ни гроша, никакого другого способа добраться до дома все равно не было, разве что поймать попутку. Либо сдать властям, но Уилл всегда предостерегал от этого, утверждая, что стигийские агенты повсюду. Будущее выглядело туманным и ненадежным, но это было все равно лучше, чем остаться с Мартой.

Все его суставы протестующе взвыли, когда он вскинул рюкзак на спину и на четвереньках пополз прочь от шалаша, морщась и гримасничая, когда сухие листья шуршали под его руками и ногами.

Он прополз несколько метров и оглянулся, чтобы в последний раз удостовериться...

– Хорошо спал? – дружелюбно поинтересовалась Марта у него за спиной.

От неожиданности рука соскользнула, и Честер упал лицом в сухие листья.

Она сидела в тени ветвей громадного дерева. Позади нее на земле рядом лежали ошипанные тушки, и ветерок лениво шевелил оставшиеся на них пух и перья. Словно какой-то уродливый гигант, забавляющийся с игрушкой, Марта вытянула перед собой ноги и увлеченно ошипывала четвертую птицу. Кажется, это был голубь.

– Э... да... – выдавил Честер, не сводя глаз с последних перьев, облетавших с тушки под сильными пальцами Марты.

– Легко ловить этих глупых верхоземских тварей! – небрежно сообщила Марта, кладя голубя к его собратьям. – А еще я нашла грибочков.

Она кивнула на небольшой кулек, стоявший рядом с тушками.

Когда она занялась костром и приготовлением добытой дичи, Честер заметил, что получается у нее не слишком ловко. Однако гораздо больше его волновало, заметила ли Марта, что он пытался от нее сбежать.

* * *

Ребекка-два продолжала свой путь, пока не вышла к открытым воротам в очередной стене. Улица на этом не заканчивалась, девушка видела ее продолжение за воротами. И в конце этого продолжения смутно проглядывала очередная арка очередных ворот...

Она вошла в ворота.

Раздался глухой раскат грома, начался дождь. Ребекка слышала шипение капель, падавших на раскаленную мостовую. Ее сестра пошевелилась и прошептала:

– Хорошо как...

Она жадно открывала пересохший рот, пытаясь ловить капли дождя. Однако Ребекка-два почти не замечала дождя, даже когда он превратился в настоящий ливень. Она стояла в воротах, потрясенная тем, что видела перед собой.

Дома. Машины. Люди.

– Великий Боже! – прошептала она.

Это мог быть любой европейский город – архитектура не самая современная, однако все дома и магазины по обеим сторонам улицы в хорошем состоянии. Девушка двинулась вперед, неся сестру на спине и то и дело оглядываясь, поскольку шла она по середине широкой и оживленной улицы. До нее доносились звуки музыки – высокие пронзительные трели трубы, – и Ребекка-два смогла даже понять, откуда они идут: из открытого окна ближайшего дома.

– Нет фонарей! – пробормотала она, заметив, что в этом мире дневного света нет уличного освещения.

Она подошла к одному из домов. Судя по всему, это было офисное здание – на всех окнах были опущены жалюзи. Возле двери висела небольшая медная табличка. Ребекка прочитала:

– *Schmidts... Zahnarzte... Nach Verbredung...*

– Немецкий язык... Дантист... – прошептала Ребекка-один, приоткрывая глаза. – Очень кстати для моих выбитых зубов.

Ребекка-два собиралась ответить и повернула голову, но в этот момент увидела человека. Из дверей соседнего дома вышла женщина с двумя малышами. Она неловко спускалась с невысокого крыльца, стараясь прикрыть мальчиков зонтиком. Одета она была в кремовую блузку, серую юбку до колен и шляпу с широкими полями. Выглядела она так, словно только

что сошла со страниц хроники пятидесятилетней давности. «Вряд ли это современная мода», – подумала Ребекка. Шести-семилетние мальчики были одеты в одинаковые бежевые курточки и одинаковые бежевые штанишки.

– Э... Привет! – как можно более дружелюбно сказала Ребекка. – Мне очень нужна ваша помощь.

Женщина резко обернулась. На мгновение в ее взгляде промелькнул ужас. Потом она завизжала и уронила зонтик, который тут же подхватил и унес на дорогу порыв ветра. Женщина схватила детей за руки и потащила их прочь, почти волоча за собой. При этом она продолжала вопить, но мальчики испуганными не выглядели и все время норовили обернуться.

– Думаю, мы не очень хорошо выглядим... – догадалась Ребекка-два, прекрасно понимая, что выглядят они обе ужасно. Лица в грязи и саже, одежда обожжена и изодрана, на ногах засохшие комья глины, обе в крови...

– Что происходит? Ты позовешь кого-нибудь на помощь? – слабо прошептала Ребекка-один.

Ребекка-два усадила ее на нижнюю ступеньку крыльца дома, из которого вышла излишне пугливая женщина.

– Потерпи. – Девушка убедилась, что раненая сидит достаточно надежно, привалившись к перилам, а затем повернулась и пошла к витрине магазина. Из водосточной трубы хлестала вода.

– Нам не придется долго ждать, чтобы на нас обратили внимание... – пробормотала она, откидывая свалывшиеся волосы со лба.

Действительно, не прошло и тридцати секунд, как взвыли сирены, и их вой отразился от стен домов. На дальнем углу дома уже собралась небольшая толпа, глазающая на обеих Ребекк, однако ни один человек не сделал попытки приблизиться к ним.

Из-за угла выехала машина. Это был военный грузовик. Он остановился, прямо из кузова начали выпрыгивать солдаты, которые тут же взяли девушек в кольцо и наставили на них винтовки. Ребекка-два насчитала двадцать человек. Из кабины грузовика выпрыгнул еще один военный с пистолетом в руке.

– *Wer sind Sie?* – рявкнул он Ребекке-два.

– Он хочет знать, кто мы такие, – прошептала Ребекка-один. – Похоже, нервничает.

– Я знаю немецкий не хуже тебя, – усмехнулась Ребекка-два.

– *Wer sind Sie?* – повторил военный еще резче, сопроводив свои слова красноречивым жестом руки с пистолетом.

Ребекка повернулась к нему, рассудив, что он, должно быть, командир.

– *Meine Schwester braucht einen Arzt!* – быстро проговорила она.

– Да... мне нужен доктор... – еле слышно откликнулась Ребекка-один.

Офицер выглядел весьма удивленным бесцеремонностью девушки, он ничего ей не ответил. Вместо этого пролаял какую-то команду, и его люди выстроились в ряд позади него, по-прежнему направляя на девушек оружие. Мгновение спустя они начали очень медленно, шаг за шагом, двигаться вперед.

Мелькнула какая-то вспышка, что-то резко громохнуло.

Затем солдаты неожиданно остановились.

Ребекка-два вдруг поняла, что больше не слышит звуков музыки. Если раньше лицо офицера было сердитым, то сейчас на нем явственно отражался страх. И на лицах остальных солдат тоже.

Чистый, неприкрытый ужас.

– *Einen Arzt!* – повторила она, гадая, что же произвело на них такое странное впечатление. Она услышала глухой рев где-то позади и обернулась.

Они возникли внезапно, словно соткались из дождя. Серо-коричневый камуфляж отлично сливался с дождем, превращая этих людей в неясные зыбкие тени.

– Чертовски вовремя! – заметила Ребекка-два при виде отряда Граничников.

Сорок Граничников цепью стояли поперек улицы, и их винтовки были нацелены в немецких солдат. Между ними стояли проводники, едва сдерживавшие рвущихся с поводков гончих. Собаки, прирожденные охотники и бойцы, издавали устрашающие звуки – глухой рев рвался из глоток, белоснежные клыки сверкали в оскаленных пастьях, все мышцы были напряжены.

Однако молодой офицер и его солдаты смотрели вовсе не на них. Все взгляды были устремлены на бесстрастные, мертвенно-бледные лица Граничников, на которых черными провалами горели глаза без белков.

Ни единого движения ни с той, ни с другой стороны. Только дождь ритмично бил по мостовой.

Ребекка-два ступила на середину улицы и остановилась между двумя шеренгами.

– Офицер? – обратилась она к немцу.

Выглядела она при этом такой же спокойной и уверенной в себе, как если бы обращалась к обычному полицейскому с вопросом, как ей пройти по нужному адресу.

Офицер перевел взгляд с Граничников на девушку в оборванной грязной одежде и судорожно кивнул.

– Я... – начала она по-немецки.

– Я хорошо говорю по-английски, – прервал он ее. Говорил он действительно почти без акцента.

– Хорошо. Мне нужно...

– Прикажите своим людям опустить оружие и сдаться! – прервал он ее во второй раз.

Ребекка не ответила сразу, лишь скрестила руки на груди, глядя прямо ему в лицо.

– Это невозможно! – твердо сказала она. – Вы даже не представляете, с кем имеете дело. Это – Граничники. Они сделают все, что я прикажу. И хотя вы не можете этого видеть, на крышах сейчас сидят мои снайперы. Если вы или ваши люди хотя бы подумаете о том, чтобы выстрелить...

Она не закончила, увидев, как дрогнула рука молодого офицера. Помолчала и сказала чуть тише:

– Со мной останутся два человека. Один из них – врач для моей сестры. Она умирает от раны в животе. Мы пришли с миром, так что лучше прикажите своим людям опустить оружие.

Он еще колебался, глядя то на Ребекку-два, то на ее сестру, поникшую на крыльце. Немецкий офицер являлся прямо-таки воплощением здоровья и молодости: светлые волосы, голубые глаза, загорелые сильные руки. Наконец он кивнул.

– Хорошо.

Офицер повернулся к своим людям и отдал приказ.

– Благодарю вас. – Ребекка-два повернулась к своим людям, подняла руку и произнесла несколько слов по-стигийски.

Два Граничника подошли к ней. Один сразу направился к Ребекке-один и легко вскинул ее на руки. Второй остановился за спиной у Ребекки-два. Это был командир Граничников, самый старший и самый опытный боец. На щеке у него был светлый застарелый шрам в форме буквы S, а виски посеребрила седина. Ребекка даже не посмотрела на него. Она вновь обратилась к офицеру:

– Как вы называете этот город?

– Новая Германия. – Офицер ответил девушке, но не спускал при этом глаз с командира Граничников.

– А откуда вы здесь появились?

Офицер нахмурился, подбирая слова:

– Мы осели здесь в... как же сказать... *neunzehn... vierundvierzig...*

Один из его солдат помог своему командиру:

– В 1944.

Ребекка кивнула:

– Перед концом войны. Я так и думала. Мы знаем об экспедициях Третьего рейха в Польше с целью исследовать пустынные земли. Но мы не знали, что поиски увенчались успехом.

– Мы не имеем отношения к Третьему рейху! – покачал головой офицер, явно тяготясь этим разговором.

Ребекка-два не обратила на это никакого внимания.

– Что ж, кто бы вы ни были, я полагаю, радио или рация у вас в грузовике есть? И если вам и вашим людям дороги ваши жизни, свяжитесь со своим командованием. Спросите их, известно ли им о...

Только теперь она слегка повернула голову в сторону командира Граничников, тихо стоявшего рядом с винтовкой в руках.

– ...о «Директиве номер 66» и об операции «Морской лев». Нацисты планировали ее между 1938 и 1940 годами, это был план вторжения в Англию.

Немецкий офицер не ответил. Он не спускал глаз с винтовки в руках Граничника и с ее ночного оптического прицела.

– Говорит ли вам что-нибудь имя гросс-адмирал Эрх Редер? – негромко спросил Граничник.

– Да.

– Есть ли в этом городе кто-либо из его экипажа или кто-то имеющий доступ к документам по той операции?

Немецкий офицер провел рукой по лицу, стирая дождевые капли, словно хотел спрятать свое замешательство.

– Послушайте меня внимательно, это очень важно. – Голос Граничника стал требовательным, словно он разговаривал с одним из своих подчиненных. – Свяжитесь с командованием и скажите, что дело касается «Директивы номер 66» плана вторжения, той ее части, в которой упоминается «Мефистофель».

– «Мефистофель» – это мы, – вступила в разговор Ребекка-два. – «Мефистофель» – это позывной моей группы. Группы «Стикс». Стигийцы в Германии и Англии сотрудничали с вами. Тогда мы были вашими союзниками, теперь вы должны стать нашими.

Командир Граничников повелительно махнул рукой в сторону грузовичка.

– Давай, парень, поторопись. Найди того, кто знает о «Директиве номер 66» и операции «Морской лев».

– Мы должны как можно скорее разрешить эту ситуацию, если вы не хотите, чтобы ваши люди погибли, – кивнула Ребекка-два, бросив короткий взгляд на сестру. Та лежала на одеяле, постеленном прямо на мокрой мостовой, и стигийский врач хлопотал над ней. Он уже вколол девушке в вену лекарство, но Ребекка-два знала, что Ребекка-один нуждается в госпитализации.

– Вы должны действовать быстро. Это жизненно необходимо... для спасения моей сестры.

Немецкий офицер коротко кивнул, произнес несколько слов, обращаясь к своим людям, и быстро направился к грузовику.

Ребекка-два улыбнулась командиру Граничников.

– Как приятно встретить старых друзей, верно?

* * *

Честер проспал недолго, его разбудила сильная резь в желудке. Сначала он лежал и уговаривал сам себя, что все сейчас пройдет, но боль никак не унималась. Она становилась все сильнее, и мальчик едва успел выбраться из спальника и добежать до кустов, где его вырвало. Рвало Честера до тех пор, пока в желудке ничего не осталось, однако боль не утихла, и пересохшее горло продолжали сводить рвотные спазмы.

Когда Честер вернулся в шалаш, пепельно-серый и в холодном поту, Марта уже ждала его.

– Проблемы с животом? У меня тоже. Хочешь чего-нибудь? – Не дожидаясь ответа, она продолжала: – Я заварю чай, это должно помочь.

Когда они сидели у костра, Честер буквально заставлял себя цедить то, что Марта называла чаем, маленькими глотками, но тут его опять начало тошнить. Он снова бросился в кусты, теперь к рвоте прибавился сильнейший понос.

Когда он вернулся, Марта все так же сидела у огня, не в силах подняться. Честер сказал:

– Я чувствую себя ужасно.

– Ложись поспи. Возможно, ты подцепил какую-то бактерию... Отдых и теплое питье пойдут на пользу.

На поправку ушло два дня. Все мысли о побеге пришлось на время забыть, в его нынешнем состоянии Честер бы далеко не ушел. Он метался между беспокойным сном и полубредовым бодрствованием. Он был настолько слаб, что полностью зависел от Марты, хотя и ненавидел себя за это.

Когда Честер наконец смог есть твердую пищу и силы начали потихоньку возвращаться, пришло время обсудить их положение.

– Марта, мы не можем сидеть здесь всю жизнь. Что мы собираемся предпринять? И я не могу больше жрать этих чертовых птиц! Наверняка я ими и отравился!

– Беглецам и бродягам выбирать не приходится. Мне тоже от них плохо.

Честер посмотрел на Марту с недоумением. Хотя она и говорила, что тоже больна, он ни разу не видел, чтобы она бегала в кусты или чтобы ее рвало. Впрочем, во время болезни он мало на что обращал внимание...

Когда стухли сумерки, они пустились в путь, однако Честер был все еще слишком слаб, чтобы идти всю ночь. Дойдя до очередной рожицы за несколько часов до рассвета, они остановились на привал. Меньше чем через полчаса после еды в животе у Честера страшно забурлило, и он с ужасом почувствовал, что боль вернулась. На этот раз она была даже сильнее, и Марте пришлось помочь ему добраться до кустов, где Честера и выворачивало наизнанку следующие полчаса.

Еще несколько дней Марта кормила его с ложки, потому что руки Честера настолько ослабели, что он не мог удержать ложку сам. Он потерял счет времени, словно впал в некое подобие летаргии, полусон-полуявь, и чувствовал полное безразличие к происходящему, пока однажды ночью Марта не растолкала его и не стала настаивать, чтобы они поскорее тронулись в путь. Она была возбуждена и встревожена, он пытался расспросить ее о причинах ее волнения, но она ничего не отвечала. Честер решил, что ей снова привиделся Пресветлый.

Как бы там ни было, он чувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти пару часов без остановки. Под мелким морозящим дождем они брели через бесчисленные поля, пока не набрали на пустой амбар. Крыша была дырявая, внутри валялись проржавевшие сельскохозяйственные инструменты, но Марта расчистила один угол. По крайней мере, на некоторое время они получили убежище от непогоды и смогли немного обсохнуть.

Честер чувствовал сильнейшую слабость и страдал от холода и сырости: брюки прилипли к ногам, кожа на ступнях отмокла и вздулась волдырями. Им обоим было бы неплохо помыться

и переодеться в чистую одежду: Честер уже не чувствовал вони, исходящей от Марты, потому что и сам теперь источал не лучшие «ароматы». Закутавшись в спальники, они без сил повалились на пол, и Честер решил закончить разговор.

– С меня хватит! – Он тщетно пытался согреться, натягивая мешок на плечи и шею. – Я никогда не чувствовал себя так паршиво, и дальше будет только хуже... Марта, я больше не могу!

Он запнулся, пытаясь справиться со слезами, он действительно совсем вымотался.

– Что, если я серьезно болен и мне требуется врач? Ты позволишь мне обратиться за помощью? И еще... мы ведь идем в никуда, без всякой цели. У нас нет никакого плана.

Вообще-то Честер подозревал, что они давно уже бродят по кругу, просто не мог это доказать.

Марта немного помолчала, потом кивнула. Перевела взгляд на дырявую крышу, о чем-то задумалась, при этом глаз ее страшно дергался от тика.

– Завтра! – сказала она наконец. – Все завтра. Завтра посмотрим.

Честер понятия не имел, что она имела в виду: весь следующий день они провели в амбаре, а к вечеру двинулись в путь. Дождя не было, и Честер приободрился. Он решил, что они двигаются в сторону побережья, воздух изменился, в нем чувствовался привкус соли, и откуда-то очень издали доносился отголосок прибоя. Это напомнило ему семейные выходные, которые они с родителями проводили на море, и он с новой силой принялся думать о том, как бы ему поскорее избавиться от Марты и вернуться к ним.

Ночное небо было кристально чистым. На вершине холма Честер посмотрел наверх, и тысячи ярких звезд показались ему вышитыми на бархате неба... В этот момент он споткнулся и врезался в живую изгородь. Сначала он потерял Марту из виду и не знал, где она, пока ее рука не ухватила его за локоть и не протащила прямо сквозь изгородь.

Он слепо шагнул вперед, обрел равновесие и обомлел при виде раскинувшегося перед ним пейзажа. За эти долгие дни он привык к однообразным и унылым полям, но сейчас перед ним расстился идеально гладкий газон. Настолько идеальный, да еще и так красиво освещенный лунными лучами, что напоминал ковер из темного бархата. Честер растерянно огляделся, увидел полосы цветочных бордюров, аккуратные клумбы и грядки. Марта прошипела, чтобы он следовал за ней, и они крадучись пошли вдоль ограды, миновали садовый сарайчик, затем деревянную беседку, перед которой стояли плетеные кресла и небольшой стол... Затем Марта изменила направление: теперь они двигались к центру сада. Честер понял, что они идут по аллее, обсаженной по обеим сторонам высокими елями, в конце которой находились небольшие ворота. Пройдя в них, Честер увидел черные очертания дома и темно-синие – плакучих ив.

– Коттедж... – пробормотал он, прячась за ствол ивы.

Дом выглядел ухоженным, но казался необитаемым. Не горело ни одно окно, занавески были раздернуты. Когда Честер и Марта обошли дом, то увидели небольшой портик перед крыльцом, увитый плетистыми розами, и аккуратную подъездную дорожку. Ни одной машины видно не было.

Честер даже не пытался остановить Марту, когда она сказала, что собирается взломать дверь. Коттедж стоял в безлюдном месте, никаких датчиков сигнализации видно не было. Они снова обошли коттедж, Марта разбила окно доской, отодвинула задвижку и пролезла внутрь. Честер последовал за ней, испытывая некоторую неловкость от того, что делает... Но усталость от жизни под открытым небом, болезни и собственной слабости оказались сильнее.

Кроме того, хоть они этого, возможно, и не осознавали, на них обоих действовала земная гравитация, особенно на Марту. Им действительно нужно было отдохнуть в человеческих условиях.

Исследовав содержимое буфета и холодильника на кухне, Честер отказался от предложения Марты приготовить ужин, удовлетворившись банкой консервированной фасоли, которую съел холодной.

Поднявшись в спальню и увидев чистые, застеленные свежим бельем постели, Честер решительно направился в душ. После того как ему удалось разобраться с бойлером, потекла теплая вода.

Он и понятия не имел, какое это наслаждение – смыть с себя всю грязь последних месяцев. Когда кожа порозовела и заскрипела под пальцами от чистоты, Честер расслабился под теплыми струями, наслаждаясь теплом и покоем. Потом он обследовал гардеробную и нашел подходящие по размеру джинсы и футболку. Поймав свое отражение в большом зеркале, улыбнулся:

– Носки. Мне нужны чистые носки.

Он натянул чистые носки на чистые ноги и с наслаждением пошевелил пальцами. Честер чувствовал себя намного лучше. Настолько, что был готов встретиться с любыми испытаниями лицом к лицу.

– Чистые сухие носки. Да, именно так! – воскликнул он, вставая.

Он спустился вниз предупредить Марту, что собирается прилечь и поспать в одной из спален. Проходя через гостиную, он резко остановился, замер – не в силах справиться с чувствами. На тумбочке стоял телефон.

Это была та самая возможность, о которой он мечтал.

Он мог позвонить Дрейку или даже маме с папой. Честер подумал о своих родителях. Он должен был дать им знать, что с ним все в порядке, что он жив и здоров – он не говорил с ними несколько месяцев, с тех самых пор, как они с Уиллом спустились в ту роковую ночь в туннель под домом Берроузов...

Затаив дыхание Честер поднял трубку и послушал гудки. Он едва сдерживал радостное возбуждение, начав набирать домашний номер.

– Привет, мам... привет, пап... – шептал он в гудящую трубку, молясь, чтобы родители оказались дома или, чего доброго, не переехали...

Нет! Думай о хорошем!

Он успел набрать всего несколько первых цифр, когда сильный удар по затылку погрузил его в беспамятство...

Глава 5

Дрейк резко открыл глаза и уже через секунду скатился с кровати и был на ногах.

Он находился в темной комнате, и комната эта была ему совершенно не знакома. Впрочем, за свою жизнь он так привык просыпаться в незнакомых комнатах, что не собирался тратить время на попытки вспомнить, как он сюда попал. Воздух в комнате был прохладный и свежий, и Дрейк уловил слабое гудение кондиционера.

Висок пронзила резкая боль, Дрейк приложил руку ко лбу и опустился обратно на кровать. Только сейчас он понял, что почти полностью одет, не хватает только носков и обуви. Под ногами он ощутил мягкий ворс ковра...

– Иисусе! Где я...

Этот вопрос он задавал себе уже бесчисленное количество раз – в разных местах, где ему доводилось приходить в себя...

Он вновь поднялся с кровати, нашарил ночник на прикроватной тумбочке, но уронил его на пол. Опустился на колени, чтобы поднять, и застонал от боли в виске, когда яркий луч ударил ему в глаза.

Уилл и Эллиот страшно удивились бы, увидев его сейчас, а может быть, и не узнали бы вовсе. Недельная щетина превратилась в настоящую бороду, лицо осунулось, под глазами залегли черные тени. Обычно коротко стриженные волосы отросли, а сейчас еще и сваялись с одной стороны – он спал на одном боку.

Все еще держа лампу в руках, он с трудом вернулся на кровать, сел на край. Провел языком по сухим, шершавым губам, ощутил привкус алкоголя.

– Водка? Что ж я творил-то...

Кусочки воспоминаний пересыпались в голове, с трудом складываясь в картину вчерашнего вечера. Он вспомнил, как завернул в бар, кажется, в Сохо, чтобы напиться. Вероятно, удалось. Голова сейчас просто взорвется.

Однако головная боль – ничто по сравнению с тем жутким чувством одиночества и опустошенности, которое продолжало им владеть. Вся его жизнь потеряла смысл.

Впервые за долгие годы он был один. Ни плана, ни цели. Много лет назад Дрейк был завербован в тайное общество, группу, которая боролась с расой стигийцев, населявшей подземелья под Лондоном. У них был свой подземный мегаполис – Колония, – однако влияние стигийцев не ограничивалось только им. Стигийцы стремились свергнуть мировой порядок в Верхоземье, и шупальца их зловещей организации, словно споры ядовитого гриба, проросли на поверхность Земли буквально повсюду. Стигийцы веками трудились над тем, чтобы ослабить власть верхоземцев и полностью подчинить их себе.

Последняя миссия Дрейка против них закончилась поражением и полным крахом. Предполагалось, что он должен выманить одного из самых влиятельных вождей стигийцев, запустив дезинформацию о том, что в его руках находится последняя ампула со смертоносным вирусом Доминионом. Выманить и захватить, разом обезглавив этот враждебный народ. «Передача» ампулы должна была пройти в доме миссис Берроуз, матери Уилла, в Хайфилде, чтобы придать происходящему достоверности. Однако все пошло не так, как они планировали. Стигийцы всегда обгоняли их на шаг – так был захвачен и обезврежен главный помощник Дрейка, Лезерман, а потом и все остальные его люди были выведены из строя неизвестным инфразвуковым оружием.

Дрейк почти не сомневался, что его люди погибли – стигийцы были жестоки и безжалостны к противнику. Во время операции исчезла миссис Берроуз, Дрейк был уверен, что она тоже погибла. Насколько он знал, выжил только он сам, благодаря неожиданной помощи странного отряда...

– Выпить... Мне надо выпить...

Он пробормотал это, чтобы перестать думать. Вспоминать. Дрейк считал, что не заслуживает жизни. Страшные потери, гибель его людей, тех, за кого он отвечал – все это было непереносимо. Дрейк со стуком поставил лампу на тумбочку, поднялся и медленно побрел к окну.

– Какого дьявола! – воскликнул он, едва успев поднять жалюзи. Дневной свет ударил по глазам, и в голове что-то взорвалось.

Дрейк был смущен и ошарашен увиденным. С высоты третьего или четвертого этажа он смотрел на Темзу и на солнце, поднимающееся над Канареечной верфью.

Дрейк обернулся и начал осматривать комнату. Она была довольно большая, с красными обоями, украшенными орнаментом. На стенах висели картины в резных рамах, на большинстве были изображены батальные сцены, преимущественно времен Крымской войны. Кроме большой двуспальной кровати в комнате были стол и платяной шкаф – старинные, темного дерева, возможно, красного. Это могла быть комната в отеле, но в отеле не из дешевых.

– Я умер и попал в Хилтон... – пробормотал Дрейк, обшаривая комнату в поисках минибара. Ему срочно требовалось опохмелиться, чтобы прошла голова и чтобы из нее улетучились воспоминания о погибших по его вине людях.

Он посмотрел на закрытую дверь, но не стал ее открывать, а вернулся к окну, прислонился горящим лбом к холодному стеклу. Тяжело вздохнул. Налитые кровью глаза бездумно следили за полицейским катером, поднимавшимся по Темзе в сторону Тауэрского моста.

В дверь постучали.

Дрейк выпрямился и замер.

Дверь открылась, и в комнату, держа в руках стакан, вошел тот, кто спас его в Хайфилде. Он рассказал Дрейку, что когда-то был одним из Граничников, солдатом элитного подразделения стигийцев, славившихся особой жестокостью и беспощадностью...

Было очень странно видеть этого бывшего безжалостного убийцу в серой спортивной куртке, фланелевых брюках и коричневых мокасинах. Несмотря на свое состояние, Дрейк слабо улыбнулся.

– О, вот и мой друг-стигиец... неплохое местечко ты выбрал.

Голос бывшего Граничника прозвучал немного гнусаво. Говорил он отрывисто и немного... старомодно.

– У меня несколько владений в Лондоне, но я предпочитаю дни свои коротать именно здесь.

Дрейк кивнул в сторону окна.

– Надеюсь, в окна других твоих... владений видно картинки получше. – Он помолчал и снова посмотрел на стигийца. – Так вот, значит, как я оказался здесь? Ты приволок меня из бара прошлой ночью. Ты считаешь себя моим ангелом-хранителем?

Стигиец не ответил, лишь протянул Дрейку стакан. Оказывается, в нем была не вода, а сок. Дрейк разочарованно понюхал его.

– Апельсиновый? – Он сделал большой глоток, и ароматная жидкость освежающей волной омыла пересохшее горло. – Впрочем, очень хороший.

– Свежевыжатый, – ответил стигиец.

Дрейк с силой помассировал переносицу, пытаясь собрать мысли воедино.

– Послушай, дружище... Я знаю, ты считаешь себя моим должником за то, что я присматривал за Эллиот, но поверь, теперь мы квиты. Ты вытащил мою задницу из той заварухи в Хайфилде. Ты вернул долг, и мы в расчете.

Стигиец кивнул.

– Да, я благодарен тебе за помощь моей дочери Эллиот. Одна она бы не выжила. Пора – очень опасное место, я это знаю едва ли не лучше всех. – Он присел на край кровати: – Но видишь ли...

– Что же? – нетерпеливо спросил Дрейк. Голова не проходила, и терпение его было на исходе.

– Если ты не возьмешь себя в руки, Дрейк, мои люди доберутся до тебя. Тебя нейтрализуют.

С этими словами он выключил все еще горевший ночник, словно подчеркнув значение своих последних слов.

Дрейк смущенно кашлянул.

– Я обычно себе такого не позволяю... ну, как прошлой ночью. Это было впервые.

– Сдается, что подобные «впервые» случались с тобой не однажды... А ты помнишь, что, когда бармен отказался тебя обслуживать, ты был очень груб с ним? Ты орал на него, называя проклятым стигийцем. Тебя все слышали. Все посетители.

Дрейк посмотрел на него и попытался защититься.

– То, что я делаю и говорю, касается только меня! Если я захочу...

Он неожиданно почувствовал сильную усталость. Зачем он пытается что-то объяснять этому человеку?

– Да неважно. Скажи, а тебе-то что в этом?

– Эллиот. Ты сказал, она где-то там, в Поре. Мне понадобится твоя помощь, чтобы спуститься туда и забрать ее. Потом я, в свою очередь, помогу тебе. Думаю, от помощи ты не откажешься.

Дрейк изучал бесстрастное лицо со впалыми, бледными щеками и угольно-черными провалами глаз. Это было лицо заклятого врага, одного из тех, с кем Дрейк долгие годы яростно сражался не на жизнь, а на смерть. Сейчас этот враг сидел напротив, в паре метров от Дрейка, а Дрейк пил выжатый его руками сок. Более того, этот враг просил Дрейка о помощи и предлагал в ответ свою. Фантастика!

Дрейк сухо рассмеялся:

– А какого дьявола я должен тебе верить? Насколько я успел изучить стигийцев, это может быть одна из ваших любимых ловушек. Ты меня используешь, а потом вместе со своими людьми вытрясешь из меня все, что я знаю. Плавали – знаем!

– Нет. Я уже говорил тебе. Я больше не Граничник. Я сам себе вынес смертный приговор, уйдя из их рядов.

– Мои соболезнования. Покойся с миром и все такое, – саркастически ответил Дрейк. – Значит, дезертировал из своей банды маньяков-человеконенавистников? Ты меня извини, но даже если ты сказал правду... что это доказывает? То, что ты – предатель и тебе нельзя доверять?

– Эллиот доказывает все. – В голосе стигийца прозвучал холод, он явно был обижен и рассержен. – Я был приговорен в тот момент, когда женщина из Колонии родила от меня ребенка. С тех пор я умер для моего народа.

– Почему это?

– Во всех наших книгах и учениях говорится, что мы, стигийцы, – высшая раса. Еще до Римской империи мы правили своим миром и влияли на ваш мир.

Стигиец засунул руки в карманы. Это был профессиональный воин, убийца из элитного подразделения, но вместе с этим в нем было и что-то неуловимо... профессорское. Словно ему приходилось когда-то читать лекции с кафедры.

– Возможно, ты и не поверишь, но мы не всегда скрывались в местах, подобных Колонии. В разные эпохи мы жили на разных континентах, стараясь не собираться слишком большими сообществами, чтобы не привлекать к себе внимания. Тогда бы нас неминуемо уничтожили. Именно в те времена и появился закон, ставший для нас нерушимым и главным – нам нельзя иметь детей от чужаков. «Книга Катастроф» говорит: «Чистота есть святость».

– И ты нарушил...

– Межрасовые браки ведут к уничтожению расы. Диллюция – так мы это называем. Разбавление крови. И я нарушил этот закон, самый строгий и нерушимый закон моего народа. Не только моего. Если бы про Молли – это мать Эллиот, – и меня узнали, то казнили бы и ее, и меня. Колонисты линчевали бы ее, стигийцы – меня. Не говоря уж об Эллиот, она ведь полукровка. Молли сделала вид, что больна, и ей удалось скрыть беременность, а потом ее семья спрятала Эллиот. Но чем старше становилась девочка, тем яснее становилось, что она несет в себе чужую кровь.

Дрейк молча кивнул, и стигиец продолжал:

– К сожалению, если бы Эллиот не сбежала в Пору, рано или поздно она была бы казнена. В ней ведь течет стигийская кровь.

Черные глаза стигийца бездумно следили за крошечным самолетом, чертившим в утреннем небе белую линию. Покачивая головой, он негромко сказал:

– Она должна была бежать. За все эти годы... словом, родилось достаточно много детей от смешанных браков. Знаешь, как их называют? Сушеные детки.

– Почему... сушеные? Я никогда не слышал такого названия... – В горле у Дрейка внезапно пересохло.

– Потому что их сбрасывали в Пышущую Мэри. Там жарко... – Стигиец невозмутимо посмотрел на Дрейка: – Ну так что? Мы будем... сотрудничать?

– Я должен сказать тебе честно, Граничник. Я – пас. – Дрейк вдруг почувствовал страшную усталость, даже плечи опустились. – Все, за что я брался, окончилось крахом. Погибло в пламени и под огнем твоих... коллег. И ты зря теряешь время, пытаясь втянуть меня в свои игры.

– Все зависит от того, какую именно игру ты имеешь в виду, – спокойно проговорил стигиец. – Кроме того, подумай, что ты можешь сделать, имея в союзниках стигийца. Того, кто знает все их секреты. Кого-то изнутри.

Легкая улыбка тронула губы Дрейка, словно он не воспринял эти слова всерьез.

– Хочешь сказать, что присоединишься ко мне в борьбе против собственного народа? Поможешь мне уничтожить твою расу?

Стигиец поднялся и шагнул к двери.

– Нет. Я не согласен с тем, что они творят, но это не значит, что я хочу гибели моему народу. Я не стану делать ничего, что могло бы уничтожить даже Граничников. И я не позволю причинить вред жителям Колонии, включая Молли.

– Разумеется, нет! – Дрейк едва не поперхнулся от возмущения. – За кого ты меня принимаешь?!

Стигиец кивнул.

– Хорошо. Мне не нужно объяснять тебе, что некоторые из стигийских предводителей, включая близнецов, которые известны тебе под именами Ребекка-один и Ребекка-два, перешли к решительным действиям и слишком жестким мерам. Мы считаем...

– Мы?

– Я один из тех стигийцев, кто не согласен с политикой террора в отношении Верхоземья, например, с применением биологического оружия вроде Доминиона. Мы считаем, что верхоземцы сами ослабят себя до такой степени, что в один прекрасный день мы почти без усилий захватим власть над вами.

– Другими словами, хочешь сказать, что мы убьем себя сами, без вашей помощи? Но если у вас такие разногласия с вашими руководителями, почему вы не выступите против них?

Стигиец ничего не ответил на это, но выражение его лица было достаточно красноречиво.

– Понятно, плохая идея! – пробормотал Дрейк. Рука стигийца сжалась в кулак.

– На этом этапе истории мы оба не хотим одного и того же. Вполне достаточно для сотрудничества, не так ли?

Чем дольше Дрейк обдумывал предложение стигийца, тем ярче разгорались его глаза. Он нервно взъерошил волосы, потом попытался пригладить их... и коротко кивнул стигийцу:

– О'кей! Я бы соврал, если б сказал, что не заинтересован в твоём предложении. Но я хочу знать больше.

– Для начала приведи себя в порядок. А потом... будет проще, если я покажу.

С этими словами стигиец вышел из комнаты.

Дрейк отправился в ванную, принял душ и побрился. Там же он с жадностью выпил несколько стаканов холодной воды. Поймал свое отражение в зеркале и несколько секунд смотрел самому себе в глаза.

– Хватит! Хватит, ясно? Пора возвращаться в седло.

Вернувшись в комнату, он нашел свои ботинки, обулся, вышел из комнаты, прошел по короткому коридору и вошел в другую комнату. Потолок здесь был стеклянным, и солнечный свет заливал помещение, падая на то, что сначала Дрейк принял за бильярдный стол. Однако вместо зеленого сукна на этом столе располагалась миниатюрная модель долины, в которой выстроились армии крошечных солдатиков. Стигиец как раз переставил несколько фигурок и повернулся к Дрейку.

Глаза Дрейка обежали эту маленькую сцену, на которой игрушечные армии в разноцветной униформе выстроились на зеленой траве...

– Так, что это у нас... Битва англичан с немцами при горе Сент-Джон... а вот и прусские отряды! – сказал Дрейк медленно, приближаясь к столу. – А вот эти солдатики в синем – должно быть, французы? Значит, перед нами битва при Ватерлоо, случившаяся в марте 1815 года?

Если стигиец и был удивлен познаниями Дрейка, то ничем этого не выдал.

– Правильно.

Дрейк продолжал рассматривать миниатюрное поле битвы.

– Ты действительно хорошо знаешь свое дело. Но с чего бы стигийцу интересоваться событиями, происходившими в Верхоземье почти двести лет назад?

– Частью нашей подготовки было изучение военной тактики Верхоземья на протяжении многих веков. Ну, а битва при Ватерлоо всегда была моей любимой.

Дрейк кивнул:

– Я тоже люблю этот эпизод истории. Исход зависел от многих событий и решений. Множество мелочей должны были сойтись воедино, чтобы Наполеон, этот военный гений своего времени, потерпел поражение. Такое ощущение, что удача наконец изменила ему. Рука судьбы, можно сказать...

– Рука судьбы, говоришь? – Стигиец покачал головой. – Веллингтону во время его знаменитого удара помогли пруссаки и немцы, потому он и победил. Веллингтон был военным гением, он переиграл Наполеона.

Дрейк уставился на стигийца.

– А седьмая коалиция – заслуга Веллингтона-генерала... или политика?

Стигиец пожал плечами:

– А какая разница?

Дрейк нахмурился, снова уставившись на зеленое поле, будто что-то его не устраивало.

– Я вижу Наполеона... – Он указал на крошечную фигурку, окруженную нарядными генералами. – Но где же Веллингтон? Его что-то нигде нет.

– Это потому, что я держу его здесь. Пока он меня не полностью устраивает.

С этими словами стигиец взял с небольшого рабочего стола, над которым висела карта, еще одну фигурку. Дрейк протянул руку:

– Позволь взглянуть?

– Конечно.

Дрейк поднял солдатика в длинном синем рединготе, подпоясанном красным кушаком, повыше и задумчиво протянул:

– «Железный герцог»... Говоришь, не полностью устраивает? На мой взгляд, он великолепен.

Дрейк посмотрел на рабочий стол, где стояли баночки с краской, лежали тонюсенькие кисточки, увеличительное стекло и несколько фигурок еще не раскрашенных солдатиков.

– Только не говори, что всех этих солдатиков раскрасил ты! Ты?!

– Это заняло немало времени, – ответил стигиец.

– Дело не в этом... Это сделано с любовью. Ты не против?

Стигиец кивнул и отступил в сторону. Дрейк осторожно взял Веллингтона и подошел к столу.

– Так, где же он у нас должен быть... Вот так-то лучше.

Он осторожно поместил «железного герцога» во главе группы генералов, расположившихся возле небольшого шатра.

Затем Дрейк огляделся. Вдоль стен стояли книжные шкафы и стеклянные витрины, в которых он увидел головные уборы военных лет времен Ватерлоо, Крымской кампании и других военных сражений девятнадцатого столетия с отполированными пряжками и потускневшими плюмажами. Разглядывая их, Дрейк краем глаза заметил, что стигиец внимательно рассматривает его, поэтому повернулся и спокойно встретил взгляд непроницаемых черных глаз.

– О чем ты думаешь? – спросил стигиец.

У Дрейка имелся в запасе примерно миллион встречных вопросов, но он решил пока не бомбардировать ими своего нового союзника.

– Да так, кое о чем. Например... ты знаешь мое имя, а как мне называть тебя? Боюсь, имена стигийцев... труднопроизносимы для верхоземцев.

Стигиец помедлил с ответом, но затем произнес:

– Согласно документам, этот дом принадлежит Эдварду Джеймсу Грину. У меня есть документы и на другие имена, например...

– Нет, достаточно и этого! – Дрейк задумчиво потер переносицу пальцем. – Эдвард... Джеймс... Грин... Я мог бы называть тебя Эдди-стигиец.

Сама ситуация дружеского обращения к заклятому врагу была настолько немыслима и фантастична, что Дрейк не удержался от нервного смеха.

– Как тебе будет угодно, – спокойно ответил новоокрещенный Эдди, которого совершенно, казалось, не трогало смущение Дрейка.

Они вместе подошли к мониторам, расположенным в дальнем углу комнаты. На многочисленных экранах в режиме реального времени отображались хорошо знакомые Дрейку лондонские улицы и участки, в которых он узнал туннели. Эдди заметил интерес Дрейка.

– Это туннели, проходящие под этим домом. Меры безопасности. Никто не может чувствовать себя полностью защищенным.

– О да, особенно если имеет дело со стигийцами, – усмехнулся Дрейк.

Они вышли из кабинета и прошли через небольшой холл, в дальнем углу которого находилась тяжелая стальная дверь. Пройдя через нее, они поднялись по узкой железной лестнице, потом снова спустились, несколько раз свернули... Идя за стигийцем, Дрейк почувствовал укол беспокойства. Слишком уж это место контрастировало с изящным и богатым убранством дома.

– Что это за место?

Так и не сойдя с последних ступенек, он настороженно оглядывал место, в котором они оказались. Напоминало это помещение склад: судя по всему, в длину оно было метров сто, в ширину – около пятидесяти. Большие окна были грязными настолько, что едва пропускали дневной свет, однако и того, что проникал, было достаточно, чтобы разглядеть какие-то старые станки, покрытые густым слоем пыли. Судя по всему, ими не пользовались уже очень давно.

– Здесь находилась бутылочная фабрика Викторианской эпохи. Семейный бизнес владельцев дома, – ответил Эдди. – В конце конов наследники свернули нерентабельное производство. Просто остановили станки и заперли дверь. Оставили гнить и рассыпаться во прах.

– Ясно. Ты выкупил дом, отстроил и отделал жилые помещения... – Дрейк задумчиво провел пальцем по разошедшейся резиновой ленте старинного конвейера. Она рассыпалась от его прикосновения.

Эдди двинулся дальше, в боковой коридор, по обеим сторонам которого стояли накрытые брезентом мотоциклы.

– Все твои?

– Да. Я предпочитаю передвигаться на них. Но я хотел показать не их.

Пройдя коридор до конца, стигиец остановился перед старинным токарным станком и нажал потускневшую красную кнопку на пульте управления:

– Первый шаг ко всеобщему разоружению.

Сказав это, Эдди обошел станок, и последовавший за ним Дрейк увидел какое-то возвышение, накрытое полиэтиленом. Он осторожно приподнял шуршащее полотно и увидел металлический люк в полу.

Было очевидно, что люк появился здесь недавно и пользуются им часто – его стальная поверхность была чистой и отполированной до блеска, без единого следа ржавчины, и даже пол вокруг люка оказался чистым.

Эдди наклонился, поднял крышку и начал спускаться вниз. На полпути он остановился, повернулся к Дрейку и негромко сказал:

– Если ты не пойдешь за мной след в след, все это помещение через несколько секунд взорвется.

Дрейк ухмыльнулся.

– Ну прям родственная душа!

Он спустился в люк, дождался, пока стигиец закроет за ними крышку, а затем пошел, почти упираясь в спину своего провожатого.

– Я думаю, тебе это понравится, – проговорил стигиец.

Глава 6

– А я тебе говорю, это был самолет! – настойчиво повторил доктор Берроуз.

– Хорошо-хорошо, но я все равно ничего не слышал! – устало кивнул Уилл, выглядывая из-под деревьев и с опаской рассматривая безоблачное и абсолютно пустое небо над ними. – А ты?

Он обращался к Эллиот, которая также пристально вглядывалась в небеса. Девушка покачала головой:

– Разумеется, сейчас вы уже ничего не увидите и не услышите! Он улетел в восточном направлении.

Уилл повернулся к отцу:

– И как ты думаешь, что это было?

– Я же сказал, что это была «Штука». Немецкий бомбардировщик времен Второй мировой. «Юнкерс-87».

Уилл нахмурился.

– Ты уверен, па?

– Разумеется, я уверен!

– Пап, может, тебе почудилось, и ты просто... ну... увидел и услышал все это во сне? Мы долго пробыли на солнце...

– Не надо меня опекать как малое дитя, Уилл! – возмутился доктор Берроуз. – Я не устал, не свихнулся, и у меня нет ни солнечного, ни теплового удара! Я знаю, что не спал, знаю, что видел. Я видел «Юнкерс» ясно, как тебя, и он пролетел примерно в миле от нас!

Уилл пожал плечами. Там, где они находились, в «мире внутри мира», в самом центре Земли, освещаемом своим собственным жарким солнцем, уже ничто не могло удивить его... чрезмерно.

Благодаря пониженной гравитации он сам, Эллиот и доктор Берроуз стали почти что сверхлюдьми: они могли далеко прыгать и с легкостью поднимать невероятные тяжести. После этого Уилл был готов поверить во что угодно.

Большая часть этих земель была покрыта тропическими лесами наподобие лесов Амазонки, с деревьями высотой с небоскреб. Или обширными прериями, где в густой высокой траве беззаботно резвились непуганные дикие животные. Уиллу довелось увидеть даже кваггу – полулошадь, полужелу, вымершую на Земле сотню лет назад, – несколько дней назад они с отцом и Эллиот наткнулись на табун этих животных...

Потом доктор Берроуз воскликнул:

– Квагги!!!

И рассказал, как последние из этих изумительных животных были истреблены в Польше в начале XX века.

Но и это было не самое удивительное. Если верить Эллиот, тут сохранились даже саблезубые тигры!!!

И все же все эти чудеса в сравнение не шли с тем, о чем так настойчиво говорил сейчас доктор Берроуз. Уилл перевел дыхание и повернулся к отцу:

– Но, папа... «Юнкерс»! Ты уверен? На нем были опознавательные знаки или что-то вроде того?..

– Он был слишком далеко, чтобы я мог это разглядеть. Остается только гадать, как он попал в этот мир и что здесь делает, но перепутать я не мог: у этого самолета очень своеобразный силуэт: его ни с чем не перепутаешь... Кабина пилота возвышается как верхушка айсберга...

– Айсберга? – непонимающе взглянула на доктора Эллиот.

Выросшая под землей, она просто не знала значения этого слова.

– Да, айсберга! – отмахнулся доктор Берроуз, явно не намеренный ничего ей объяснять. – Где-то должна быть посадочная полоса, склад горючего, чтобы он мог заправляться, инженеры, чтобы обслуживать его! Целая куча народу, включая пилотов.

– Инженеры... – пробормотал Уилл.

– Естественно! «Юнкерсу» ведь как минимум 60 лет! Любому самолету требуется техобслуживание, тем более такому старому.

– Значит, Вторая мировая война... – Уилл все пытался привести свои мысли в порядок. – Самолет немецкой армии...

– Да, люфтваффе использовали их в качестве пикирующих бомбардировщиков и... – Доктор Берроуз не закончил предложение.

Его лицо омрачилось, точно в голову ему совершенно неожиданно пришла совсем другая мысль.

– Звучит зловеще. – Уилл поежился, несмотря на тропическую жару.

– Да-да... – пробормотал доктор Берроуз.

– И что нам теперь делать? Идти в другую сторону? Убираться отсюда?

Эллиот кашлянула, и доктор Берроуз с Уиллом посмотрели на нее:

– А почему мы должны это делать? Я хорошо знаю здешние места, да и убежище наше находится здесь.

Она кивнула через плечо на хижину, которую сама же и построила в ветвях огромного дерева.

Уилл открыл рот, чтобы возразить, но Эллиот продолжала:

– Мы уже знаем, что не единственные люди в здешних местах. Как насчет тех трех черепов, которые мы нашли возле пирамиды? Да, они были старые, но не настолько... не древние! И та хижина, Уилл, помнишь? Когда мы столкнулись с Ребекками. Ведь ее кто-то построил.

Уилл медленно кивнул, вспомнив неказистое строение из ржавого железа. От него ничего не осталось после того взрыва, который устроила Эллиот, и последовавшего за ним пожара.

Эллиот бросала на них с доктором Берроузом многозначительные взгляды.

– Если здесь есть люди, столкнуться с ними всего лишь вопрос времени.

– Да, пожалуй, – согласился доктор.

– А какова альтернатива? – поинтересовалась Эллиот. – Похоронить себя заживо в непроходимых джунглях?

– Ну нет! Здесь столько работы! – Доктор Берроуз повернулся к пирамиде. – Я едва начал осматривать поверхность...

Эллиот не дослушала:

– Или же нам стоит попытаться снова выбраться в ваш мир? Каковы наши шансы добраться до Верхоземья. И что нас ждет там, даже если нам это удастся?

– Стигийцы... – прошептал Уилл.

Доктор Берроуз яростно потер подбородок. Его ответ был очевиден – он уходить не хотел.

Эллиот кивнула и подытожила, победоносно вздернув бровь:

– Значит, остаемся здесь. И к чему были все эти разговоры... Но некоторые предосторожности все ж не помешают. Мы не должны соваться в неисследованную часть джунглей, и надо обязательно выставлять часового, когда отдыхаем. Кроме того, нам нужно разработать систему сигналов, которыми мы сможем пользоваться, если недалеко от нас объявится кто-то чужой и мы не сможем разговаривать. А еще мы должны быть очень осторожны с костром – дым от него довольно далеко видно.

Она нахмурилась, точно ей что-то пришло в голову:

– Если же случится самое плохое и нам придется спастись бегством... Я бы заранее приготовила убежище и оставила там припасы...

– Прекрасная идея! – подал голос доктор Берроуз.

По его тону Уилл понял, что в данный момент его отец согласится с любыми предложениями Эллиот, лишь бы вернуться к своей любимой работе.

Откуда-то вынырнул Бартлби, зевающий так, словно он только что проснулся. Уилл заметил, что одно ухо у кота завернулось, а к лысому черепу прилипли сухие листья. Судя по всему, он нашел себе удобное местечко в джунглях и поспал, пока его не разбудили голоса. Он уселся рядом с Эллиот, потряс головой, чтобы поправить ухо, потом два раза чихнул и принялся, словно пытаясь понять, отчего это люди такие серьезные. Кот был таким крупным, что Эллиот даже не потребовалось наклоняться, чтобы потрепать его по лысой макушке.

– И я буду обходить окрестности вместе с Бартлби. Так мы всегда будем знать, если кто-то чужой появится поблизости.

– Чужой... – тихо повторил Уилл. – Думаю, это правильно. В смысле... если мы будем осторожны, то как они смогут найти нас?

* * *

Эдди закрыл дверь, и Дрейк двинулся вперед. Вскоре они оказались в большом забетонированном подвале. Судя по размерам, он располагался под всей фабрикой. В стенах виднелись арки, выложенные кирпичом грязно-желтого цвета. Дрейк попытался разглядеть дальний конец подвала, освещенный чуть ярче. Пока они с Эдди шли вперед, он заметил несколько скамеек и каких-то ящиков, но потом увидел нечто заинтересовавшее его куда больше.

В одной из ниш подвала стоял стол. Его массивные ножки были украшены звездами, источавшими слабое, но достаточно отчетливое свечение. Такой же свет – Дрейк хорошо его помнил – давали светосферы, которыми пользовались в Колонии. Да и такие звезды он уже видел – стигийцы украшали ими свои храмы и святилища. Заинтересованный и заинтригованный, Дрейк шагнул к столу, стремясь разглядеть, что на нем лежит.

Массивный том в кожаном переплете с выбитыми золотыми буквами. Дрейку не нужно было читать, чтобы догадаться. Он и так хорошо знал, что это за книга.

– «Книга Катастроф»! – пробормотал он, изумленно покачав головой.

Эдди хранил молчание.

Для Дрейка эта книга была средоточием всего лицемерия и жестокости, всей демагогии стигийцев. Именно на основе этой книги была выработана доктрина, по которой жители Колонии стали фактическими узниками и рабами стигийцев в их подземном мире. Книга обещала, что в один прекрасный день поверхность Земли будет принадлежать подземной цивилизации. Тысячи бессловесных, одурманенных людей слепо верили лживым проповедям и жили по законам «Книги Катастроф», не допуская ни тени сомнения, что именно стигийцы – их защитники и духовные наставники. На самом деле с помощью этих догм стигийцы просто держали людей в подчинении. Она была идеальным механизмом усмирения.

Когда Дрейк смог заговорить, в его голосе кипела такая страсть и ярость, что вопрос звучал как утверждение.

– Ты отринул пути стигийцев и все же хранишь эту книгу?! Этот сосуд с ядом?!

– Я храню ее, потому что мне передал ее тот, кого бы вы, верхоземцы, назвали моим отцом. Он тоже был Граничником, как и я, но, как и принято в нашем народе, я едва его знал. Он всю жизнь посвятил служению Закону.

– Эта книга лжет!

– Все зависит от интерпретации, – спокойно возразил Эдди. – Если верить, что однажды верхоземцы уничтожат себя собственными руками, а колонисты поднимутся на поверхность, чтобы собрать обломки старого мира и возродить цивилизацию, – значит, колонистам суждено стать спасителями планеты и человечества.

– Стигийцы – спасители? – Дрейк покачал головой.

Эдди вздохнул:

– Я привел тебя сюда не для того, чтобы вести философские споры. Прежде чем осуждать меня, взгляни-ка вот на это...

Дрейк последовал за стигийцем в дальний конец подвала. Первое, что бросилось в глаза, – ряды вешалок, на которых висела военная форма всех видов и фасонов. Серо-зеленые комбинезоны, которые обычно носили стигийские бойцы, серо-коричневый камуфляж Граничников, Дрейк увидел противогазы и даже противопылевой костюм копролитов.

– Зачем это все здесь? Сувениры из подземелья? Музейные экспонаты? – Дрейк еще задавал последний вопрос, когда взгляд его упал на что-то лежавшее на одной из скамеек.

– Темный Свет!!! – воскликнул Дрейк, делая шаг к скамейке.

Прибор напоминал старинную настольную лампу: темно-пурпурная лампочка на гибкой ножке... Дрейк потрогал проводки, идущие от небольшого пульта к основанию лампы. Стигийцы использовали этот прибор для подавления воли и промывания мозгов своих пленников, и Дрейк почувствовал небывалое возбуждение при мысли о том, что наконец-то сможет увидеть и разобраться, как работает это зловещее оружие стигийцев.

На полу, возле скамьи, стояло некое устройство – параллелепипед, напоминающий стиральную машину, только на четырех колесах.

– Это же... – начал он, предположив, что это более крупная модель того психотропного оружия, которое стигийцы применили против него и его людей в Хайфилде.

– Более ранняя модель. Прототип, – ответил Эдди. – Сам видишь, она более громоздкая.

Дрейк попытался рассмотреть устройство. Излучатель в Хайфилде был со всех сторон закрыт матерчатыми экранами бежевого цвета, поэтому деталей он разглядеть не мог, да и далеко было... Этот экземпляр не имел подобного покрытия, и Дрейк рассматривал серебряные панели.

– Значит, это нечто вроде инфразвукового излучателя? – спросил он.

Эдди кивнул:

– Он излучает звуки такой низкой частоты, что они начинают воздействовать на участки мозга...

– Да, все довольно просто и примитивно. Направленный пучок частотных сигналов, подавляющих волю и чувства практически всех живых существ.

– Как бы мне хотелось забрать часть этого оборудования наверх и изучить его поподробнее...

– Оно твое, – просто ответил Эдди.

– Мне нужны инструменты и датчики...

Дрейк замолчал на полуслове, потому что заметил кое-что еще. Он поднялся на ноги и подошел к противоположной стене. Радостное возбуждение охватило его при виде очередных образцов стигийского новейшего стрелкового оружия, закрепленных в оружейной стойке. Последней в ряду стояла винтовка...

– Эй, мне кажется, тут кое-что лишнее! Стигийская винтовка с одним из моих прицелов!

Дрейк подошел к длинной винтовке, к ложу которой был прикручен прицел из полированной латуни.

– Ты знаешь, наверное, ваши люди заставляли меня...

Эдди снова кивнул.

– Да. Усовершенствовать наши приборы ночного видения и прицелы.

– Точно. Я добавил светосферу, чтобы усилить электронный сигнал. Не слишком похоже на космические технологии, но... – Пальцы Дрейка пробежались по гладкому металлу. – Знаешь, если бы я запатентовал применение светосферы в качестве дополнительного источника света здесь, на поверхности, я бы сколотил приличное состояние.

– И был бы мертв уже через секунду после выхода из патентного бюро, – коротко ответил Эдди. – Твоя специализация – электроника?

– Да. Когда-то я занимался оптоэлектронными системами... Сейчас мне кажется, что это было не со мной или в другой жизни... Миллион лет назад...

Голос Дрейка дрогнул. Лицо Эдди осталось бесстрастным, но он отвел взгляд, дав Дрейку возможность справиться с нахлынувшими чувствами.

– Значит, они хотели получить от тебя твои знания... Но ведь, насколько я знаю, ты хотел, чтобы тебя привлекли к работе?

– Это было частью плана. Находясь в Колонии, я мог собирать данные о деятельности стигийцев. Только вот проблема, Колония – настолько закрытое общество, что любой чужак торчит там... как столб посреди поля. Кроме того, пока я был под землей, ваши люди взломали мою Сеть... и я завершил свою карьеру в Глубоких Пещерах.

Сказав это, Дрейк перевел дыхание. Ему больше не хотелось говорить на эту тему, поэтому он с вызовом посмотрел на Эдди:

– Хватит обо мне, Эдди, скажи-ка лучше, как все это оказалось здесь?

Дрейк был все еще не уверен, может ли он доверять этому человеку, и не собирался обсуждать с ним принципы шифрования собственной Сети. Все, что предоставил ему Эдди-стигиец... это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Дрейк не собирался расслабляться.

– Стигийцы не догадываются, что все это существует. Согласно инструкциям, я должен был уничтожить все оборудование после операций в Верхоземье, но я этого не делал. Я складывал все сюда.

– На черный день? – усмехнулся Дрейк, оглядывая богатый арсенал оружия и обмундирования.

Перед ним были образцы стигийских технологий, и Дрейку не терпелось приступить к их изучению. Опустившись на ближайшую скамью, он принялся листать разложенные на ней документы. На мгновение задержал дыхание, когда до него дошло, чему посвящен первый же из них.

Схема циркуляции воздуха.

– Расположение лабораторий, этаж за этажом... – Дрейк шептал, не в силах скрыть свою радость.

Однако уже через мгновение он нахмурился и вскинул глаза на стигийца.

– Скажи-ка, а откуда у тебя столько денег? И этот дом требует кучи средств на содержание, а ты говорил, что у тебя есть и другая собственность...

Каблуки Эдди простучали по каменному полу, он подошел к высокому шкафу-бюро, выдвинул один из ящиков. Содержимое ящика было покрыто куском бархата, который стигиец равнодушно сдернул...

Дрейк подошел ближе, и в лицо ему брызнул сноп радужных лучей.

– Бриллианты...

– Результат моих рейдов в Пору.

– Но эти малышки наверняка выглядели иначе, когда ты их находил?

– У меня есть свой человек в Хаттон-Гардене. Он гранит и полирует алмазы, которые я приношу. Продает, если мне нужны наличные. И не задает вопросов. Если хочешь, возьми и себе. Их здесь больше, чем мне когда-либо может понадобиться.

Эдди вновь накрыл бриллианты бархатом, однако ящик задвигать не стал.

– Я должен подняться наверх и проверить записи на мониторах, но ты можешь остаться здесь, если хочешь.

– Ты ведь заранее это придумал? – спросил Дрейк. – Чтобы я сам захотел здесь остаться...

Эдди не ответил, просто вытащил из кармана ключи и бросил их на скамейку.

– Это от дома и склада. – Он достал из другого кармана ручку: – Я запишу для тебя код, чтобы ты смог входить и выходить, когда тебе вздумается.

Он быстро написал комбинацию цифр на уголке того самого плана воздухопроводов, который так заинтересовал Дрейка, и поднял на него свои черные бездонные глаза.

– Только будь осторожен. Если ты что-то сделаешь неправильно, система сдетонирует и...

– Не волнуйся. И не стоит писать. Я запомнил последовательность цифр и правильных действий.

Эдди повернулся и пошел к выходу, невозмутимо бросив через плечо:

– Я в этом и не сомневался.

Глава 7

Уилл лез вслед за Эллиот по отвесной скале, перехватывая руками побеги дикого винограда и плюща. Они преодолели уже порядочную дистанцию, и хотя руки их то и дело соскальзывали, обрывая листья и тонкие лозы, оба не слишком-то переживали по этому поводу – жизнь в условиях пониженной гравитации давно стала для них привычной, и оба прекрасно знали, что, даже сорвись они вниз, падение вовсе не станет таким страшным, каким могло бы быть на поверхности Земли.

– Мы на месте! – сообщила Эллиот и тут же скрылась в зарослях плюща. Уилл последовал за ней, с трудом продираясь сквозь переплетение ветвей и побегов.

Он огляделся, пытаясь оценить место, в котором оказался. Это была небольшая пещера, примерно десяти метров в ширину, довольно длинная. Рассеянный свет падал сквозь вход, скрытый плющом, воздух был чистый и свежий.

– Как ты нашла это место? Отличная пещера.

Эллиот вздохнула:

– Как всегда. Зачем-то говоришь о том, что и так очевидно.

Уилл развел руками:

– Когда проводишь много времени рядом с моим отцом, поневоле начинаешь говорить, как он...

Эллиот послала ему быструю, мимолетную улыбку, и Уилл улыбнулся в ответ, а потом полез проверить, что за фрукты сложены в углу пещеры. Эллиот, судя по всему, уже начала запасаться на черный день...

– Ты неплохо потрудилась. Тут даже мясо есть.

– Да, и я надеюсь, что муравьи его не достанут.

– Слабая надежда: они здесь повсюду.

Уилл посмотрел на снующих насекомых. Отец называл их сияфу или сафари, и они были неотъемлемой частью пейзажа. Как только они обнаруживали хоть что-то годящееся в пищу, они немедленно выстраивались в длинные цепочки – бесконечные алые ленты шириной несколько сантиметров, – которые шли и обгладывали... плоть с костей. На небольшую газель они тратили одну ночь.

– Единственное, что осталось, – запasti достаточно воды! – добавила Эллиот, пока Уилл осматривал сложенные стопкой звериные шкуры и запас дров, которые девушка успела притащить в пещеру. – И перенести сюда спальные.

– Ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью, ты же знаешь, – сказал Уилл, потрясенный тем, как много она уже успела сделать.

Эллиот покачала головой, внимательно рассматривая землю.

– Нет, спасибо, не беспокойся. Я знаю, что тебе придется много помогать отцу.

В ее голосе прозвучали легкие нотки разочарования. Уилл не очень хорошо разбирался в настроениях Эллиот, но эти нотки уловил сразу.

Бесчисленное количество раз Уилл разрывался между желанием побыть с Эллиот и необходимостью помогать отцу, но каждый раз в этой борьбе выигрывал упрямый доктор Берроуз. И каждый раз, глядя, как Эллиот уходит в джунгли, оставляя его возле изрезанных непонятными надписями и рисунками стен пирамиды, Уилл мысленно рвался следом за ней. Упущенные возможности, моменты, целые дни уходили в прошлое, и Уилл чувствовал, что накапливающаяся в его душе горечь однажды приведет к взрыву. Однако каждый раз он молча шел за отцом, про себя злясь и на него, и на себя.

– У твоего отца столько работы... – Эллиот покосился на Уилла.

– Да, – упавшим голосом ответил он, а затем попытался перевести разговор на более приятные темы: – Это шикарное убежище. Ты просто умница.

Эллиот подобрала скатившийся со стопки сверток и положила его на место:

– Спасибо. И запомни путь сюда получше. Обязательно идти так, как шли мы. Иначе наш след учуют.

– Я понял, ты ведь поэтому провела нас через ручей? – Уилл бездумно поддел ногой камешек. – Только вот не слишком ли мы близко от основного лагеря? И потом... ты же предупреждала, что нам предстоит дальняя дорога?!

Говоря это, он подошел к выходу и, осторожно раздвинув ветви, посмотрел на протекающий внизу ручей.

Эллиот встала рядом:

– Нам не следует забираться слишком далеко, потому что может случиться так, что нам придется скрыться быстро. А насчет твоего второго вопроса: так мы еще и не дошли.

– Не дошли? – Он вопросительно посмотрел на нее.

– Нет. Я хочу тебя кое о чем спросить, Уилл.

– Спросить? О чем?

– После того как мы разобрались с Ребекками... Ты ничего не замечал?

Перед тем как ответить, Уилл немного помолчал:

– Сказать по правде, я старался поскорее о них забыть. Это было ужасно.

Он начал непроизвольно поправлять ремень винтовки, в глазах мелькнуло затравленное выражение. Эллиот тут же положила руку ему на плечо, пытаясь поддержать и успокоить.

– Все в порядке. Я не спрашиваю о том, ЧТО мы сделали, не надо об этом думать. Но разве ты никогда не задавался вопросом, откуда там взялись трое стигийцев? Я имею в виду, какова вероятность того, что они выбрались из той подводной лодки и пролетели Дымящую Джин так же, как мы? – Она задумчиво провела по стволу винтовки. – И даже если так, как они прошли через нулевой гравитационный уровень? Насколько нам известно, у них не было с собой никакого оружия.

Уилл нахмурился:

– Чтоб мне провалиться... Ты права! Я никогда не думал об этом. Тогда... как им удалось?

– По коням! – усмехнулась она, совсем как Дрейк, и полезла наружу.

Спустившись следом, Уилл перешел ручей и вышел на берег. Когда он вытаскивал припрятанные вещи, из кустов вышел Бартлби. У него смешно раздувались щеки, точно у трубача, собирающегося извлечь особо звучную ноту из своего инструмента.

– О нет! У тебя изо рта торчит хвост! И он дергается. – Уилл поморщился.

– Сам поймал крысу! – восхищенно воскликнула Эллиот. – Прирожденный Охотник.

– О да! – Уилл насмешливо вздернул бровь. – Прирожденный. Если ты так говоришь...

– Прекрати, Уилл! – рассмеялась Эллиот, на мгновение прижавшись к нему плечом. Уилл улыбнулся, наслаждаясь этим мгновением.

* * *

Они прошли по течению, прямо по воде, несколько километров. Эллиот и кот шли впереди. Когда вода поднималась людям до пояса, Бартлби мог держать над поверхностью только нос. Наконец они выбрались на берег, но в джунгли не пошли: Эллиот настояла, чтобы они продолжали путь по берегу, покрытому толстым упругим ковром палых листьев, влажного ила и водорослей. Ручей к этому моменту стал таким полноводным, что Уилл решил отныне называть его рекой.

Несколько раз Эллиот подавала сигнал, вскидывая сжатый кулак в воздух, и они замирали на месте. Девушка подносила к глазам оптический прицел своей винтовки и внимательно осматривала окрестности, преимущественно противоположный берег. Во время одной из таких остановок Уилл не выдержал и тронул ее за локоть:

– Что не так? Почему мы останавливаемся?

– Я чувствую... – прошептала она, не отрываясь от прицела. – Как будто там кто-то есть.

– Я никого не вижу.

– Это словно... словно деревья наблюдают за нами! – ответила она шепотом.

Уилл был обескуражен:

– Деревья? Эллиот кивнула:

– Я знаю, это звучит безумно. Но я уже испытывала это чувство... тоже в джунглях.

Они оба притихли, изучая противоположный берег. Он весь зарос гимноспермиями высотой несколько метров, а за этими зарослями начинались густые джунгли. Именно там, среди деревьев, Эллиот и видела что-то... чему не могла найти названия. Уилл заметил, что она то и дело кидает взгляды на Бартлби, словно проверяя, чувствует ли и он что-нибудь. Однако кот казался полностью поглощенным ловлей ярко-зеленых стрекоз: он тщетно пытался сбить их на лету лапой с выпущенными когтями. Это почти успокоило Уилла, решившего, что причин для тревоги нет... Однако инстинктам Эллиот стоило доверять.

– А может за нами наблюдать какое-нибудь животное? – предположил он. – Кроме тех черепов да самолета, о котором говорил отец, я не видел пока никаких признаков того, что в джунглях есть еще люди.

Девушка не ответила, но все ее тело было напряжено, по всей видимости, так же, как и чувства. Наконец она расслабилась:

– Ничего. Пошли, Уилл.

Они прошли еще немного, когда Уилл услышал далекий грохот. Он поднял голову, ожидая увидеть признаки очередного надвигающегося тропического шторма – здесь грозы налетали неожиданно и стремительно. Небо было белым и безоблачным, однако звук повторился и стал громче. И продолжительнее, что окончательно утвердило Уилла в мысли: это не гром, как он предположил вначале.

Происхождение звука раскрылось, когда они миновали излучину и увидели белые буруны на реке, ставшей к тому времени еще более полноводной и бурной. Вода бурлила и падала с высокого каменистого обрыва.

– Вот что я называю настоящим водопадом, – пробормотал Уилл, глядя на стену воды высотой метров двести или триста.

В лагуне сливались два рукава реки – по одному из них они пришли сюда, второй тек с другой стороны.

Теперь они шли по мягкой, напитанной водой глине, испещренной самыми разнообразными следами и отметинами. Уилл подумал, что лагуна должна служить местом водопоя обитателей джунглей, и принялся высматривать наиболее интересные следы, однако Эллиот не собиралась сбавлять скорость и уверенно вела их вперед, к водопаду. Уилл не очень понимал, куда они направляются, пока не увидел, как девушка смело ступает на камни позади искрящегося потока воды. Уилл последовал за ней, и через пару мгновений они оказались в большой пещере, полностью скрытой за водопадом. В воздухе висела водяная пыль.

– Как здорово! – воскликнул Уилл, ошеломленно и восхищенно рассматривая водный занавес. Солнечные лучи преломлялись в потоках воды, пронизывая их насквозь. Если бы не грохот потока, это зрелище вполне могло бы ввести в транс.

– Как ты находишь такие места? – прокричал Уилл, стирая воду с лица. Повернув голову, он увидел, что Эллиот отошла в дальний конец пещеры и стоит на некоем подобии лестницы, вырубленной прямо в скале.

Охваченный любопытством, он поспешил к ней. Глаза привыкли к сумраку пещеры, и Уилл заметил, что над ступеньками изгибается каменная арка, на которой он разглядел высеченный символ – три луча, выходящих из одной точки. Тот самый символ, который был на амулете дяди Тэма, отдавшего его Уиллу. Сейчас он висел на груди Уилла.

Отец говорил, что этот символ пришел из эпохи Древних. Из эпохи, когда люди впервые пришли в этот удивительный мир из Глубоких Пещер.

Взволнованный, Уилл сбросил куртку и достал стигийский фонарь. Пока они с Эллиот спускались вниз, он светил по сторонам, то и дело натываясь на знаки, неоспоримо доказывавшие, что нанесены они были рукой человека. Чем дальше они уходили, тем глуше становился гул водопада, так что теперь Уилл и Эллиот могли разговаривать, не повышая голоса.

– Так Ребекки пришли этим путем? – спросил Уилл.

Эллиот кивнула.

– Вероятно, они нашли вход в туннель, когда покинули подводную лодку. Это позволило им попасть сюда без всяких... – Она неопределенно помахала руками в воздухе, подыскивая слова: – Безо всяких испытаний, которые пришлось пережить нам.

– Испытаний? – Уилл фыркнул, но тут на смену всем его мыслям пришла лишь одна, основная, и он нахмурился: – Так это дорога домой? Но как ты ее нашла? Это же очень далеко от пирамиды.

– Я прошла по предполагаемому следу стигийцев. Я была бы не я, если бы не проверила, откуда они могли прийти.

Уилл продолжал хмуриться:

– Так ты знала об этом пути уже несколько недель, но не сказала мне?

Голос Эллиот прозвучал еле слышно, поскольку она ушла далеко вперед, направляясь к арке.

– Я боялась.

– Что ты сказала? Ты боялась? Чего?

Девушка остановилась:

– Я думала, что если скажу, ты и твой отец решите вернуться домой. А я... я не хочу уходить отсюда, мне же некуда идти. И потом, я решила...

Ее голос прервался, когда луч фонаря осветил землю у нее под ногами.

– Назад, Уилл! Скорее назад!

В голосе Эллиот звучала неподдельная паника. Она указала на три камня, выложенных в ряд. Уилл встревожился:

– Что это такое?

Она бесцеремонно отобрала у него фонарь и осветила арку и ступени. Через секунду луч выхватил из мрака еще один ряд из трех камней – возле самой стены.

– Я так и знала! Смотри!

– Ну и что?

Эллиот испуганно помотала головой:

– Оознавательные знаки Граничников. Так они отмечают путь для остальной группы.

– Возможно, их оставили Ребекки и тот Граничник...

– Нет, невозможно. Я обследовала каждый миллиметр этого места, когда пришла сюда впервые. И окрестности тоже. Я не могла пропустить такое. – Она сдернула с плеча винтовку. – Уилл, ты понимаешь, что это означает?

Уиллу очень не хотелось слышать то, что она собирается сказать.

– Граничники пришли сюда. Мы снова в опасности!

* * *

Эдди вернулся в подвал, где работал Дрейк. Он принес поднос с едой.

Дрейк сидел на стуле и рассматривал части разобранного излучателя, разложенные на скамейке. Посвятив начало утра ознакомлению со всем, что стигиец собрал в своем подвале, Дрейк сосредоточился на изучении главного стигийского оружия. Подвал он покидал всего один раз, чтобы принести сюда свое оборудование и инструменты, и теперь внимательно рассматривал каждую деталь излучателя.

– Я подумал, что ты проголодался, – сказал Эдди, ставя поднос на скамью.

– Да... спасибо... – пробормотал Дрейк.

– Как продвигается изучение?

– Медленно, но верно. – Дрейк задумчиво потер лоб. – Хитрая штукавина. Некоторые детали я никогда в жизни не встречал, даже аналогов не знаю.

Он осторожно взял маленький металлический цилиндр с закругленными концами.

– Вот таких в этой штуке четыре. Есть какие-нибудь идеи насчет этого?

– Нет. Моей задачей было использование излучателя против объектов, ничего больше.

Дрейк казался полностью поглощенным изучением цилиндров.

– Я начал их тестировать: они испускают волны разной длины. Спектр каждого цилиндра очень узкий, специфичный и уникальный. Когда все цилиндры работают, сочетание спектров тоже уникально. Я должен понять, как контролировать излучение.

– Зачем?

– Я должен научиться определять, где и когда используется подобный излучатель.

Дрейк осторожно положил цилиндр и выпрямился, вытянул руки, хрустнув пальцами.

Эдди, судя по всему, не собирающийся уходить, смирно сидел на другом конце скамейки. Дрейк покосился на него:

– Ты выглядишь так, будто хочешь меня о чем-то спросить.

– Да, об Эллиот. Ты говорил, что существует некий путь... ведущий вниз от Глубоких Пещер. Я хочу знать о нем больше, хочу узнать, как туда попасть.

– Хорошо. Но давай поговорим об этом позже. – Дрейк пересел со стула на скамейку. – Эдди, расскажи мне вот об этом. Я нашел целую коробку таких штук.

Дрейк протянул стигийцу целую связку маленьких склянок на шнурках. Они были идентичны той паре, которую дали Уиллу близнецы, только серебристые крышки были другого цвета.

– Это ампулы для хранения культур вирусов, – ответил Эдди. – Жидкость, которую ты видишь, – стабилизирующий раствор, приготовленный нашими Учеными. Они называют его статик, в нем вирус сохраняется живым даже на трупах.

– Ясно. Я предположил нечто подобное, когда мы ломали голову, как у вас это получается. – Дрейк быстро повернулся к другим предметам, лежащим на скамейке: – А вот это?

Он указал на бутылочки с запечатанными крышками. В каждой бутылочке, погруженный в желтоватую жидкость, находился какой-то маленький объект.

– Я, конечно, не зоолог, но это... похоже на обычных улиток. Для чего они?

– Это и есть улитки. Чумные улитки. Они водятся вокруг Вечного города. Я часто ходил туда в рейды со своими людьми. Иногда мы сопровождали в этот район Ученых. Они собирали улиток и культивировали из их выделений вирус.

– Хочешь сказать, что эти малютки и есть носители Доминиона? – быстро спросил Дрейк.

– Ну, не эти конкретно. Эти уже слишком давно мертвы. Но живые улитки являются носителями целого букета вирусов, и Ученые специально отбирали и выделяли наиболее смер-

тоносные виды. Выделив нужные, они модифицировали их в лабораториях, превращая в активные агенты инфекции.

Дрейк кивнул:

– Упакованы и готовы к отправке в Верхоземье... В подарок нам... Я прав?

– Да. Ученые сделали из них мины замедленного действия. Бактериологическое оружие. Несколько секунд Дрейк смотрел на бутылочки со странной смесью восхищения и отвращения.

– Значит, это и есть маленькие убийцы человечества... – Глаза его внезапно вспыхнули:

– А если мы уничтожим их, стигийцы лишатся источника патогенных вирусов?

Эдди кивнул, но выражение лица у него стало скептическим.

– Вечный город очень велик. Уничтожить их всех – непосильная задача.

– Но не невозможная... особенно если ты совершенно случайно знаком с классным биохимиком, специализирующимся на пестицидах...

* * *

Честер жалобно застонал, чувствуя, как в запястья впились тонкие прочные веревки. Попытался пошевелить пальцами, разогнать кровь. У него затекло все – он был связан таким образом, что колени оказались плотно притянуты друг к другу. Потом, поняв тщетность своих усилий, он замер, пытаясь сообразить, чего ему хочется больше – зарыдать или разразиться проклятиями в адрес Марты. Выбрал второе и сразу почувствовал себя лучше.

– ТЫ! ИДИОТКА! ГЛУПАЯ! СТАРАЯ! КОРОВА!!! – завопил он изо всех сил. – ТЫ ДЕРЖИШЬ МЕНЯ ЗДЕСЬ УЖЕ ЦЕЛУЮ ВЕЧНОСТЬ! ВЫПУСТИ МЕНЯ!!!

В тишине от собственных воплей зазвенело в ушах. Честер тщетно прислушивался в ожидании ответа. Тишина.

– О Господи... – Честер в отчаянии уставился на узкую полоску света, пробивающуюся под дверь большого старинного буфета, в котором заперла его Марта. – Гарри Поттер, теперь я знаю, через что тебе пришлось пройти!

Нахлынули воспоминания о том, какой была его жизнь совсем недавно... с мамой и папой... любимыми книгами... чудесным домом... играми на «плейстейшен»... ни страха, ни неожиданностей, все спокойно и предсказуемо...

За последний год он прошел такой долгий путь: прошагал сотни, если не тысячи километров по самым темным и жутким подземным глубинам. И вернулся только для того, чтобы... оказаться в таком положении? Он вспомнил их с Мартой последний обед в заброшенном убежище. Тогда его переполняли надежда и оптимизм, несмотря на все ее причитания...

Почему все пошло не так?

Честер силился очнуться от кошмара.

Чем я это заслужил?

Но кошмар не был сном. Он был реальностью.

Неужели никто меня не спасет?

Он застонал от отчаяния.

Он должен был предвидеть такой поворот событий, еще когда доктор Берроуз, Уилл и Эллиот спускались в Дымящую Джин. Уже тогда в поведении Марты были заметны странные изменения. Она вела себя очень подозрительно: постоянно крутилась вокруг него, норовя накормить своей кошмарной стряпней... А хуже всего то, что она все время пыталась прикоснуться к нему, потрогать, обнять в своей дикой манере, напоминающей жуткую пародию на материнские объятия.

– Чертова старуха! – вздрогнув от воспоминаний, пробормотал Честер.

За дверью послышалось негромкое шуршание, и Честер понял, что Марта совсем рядом.

После того как она застала его за попыткой позвонить по телефону и врезала по голове, он пролежал без сознания в буфете достаточно долго, потом наконец-то очнулся. Но из буфета он так и не вышел... Марта сделала его своим пленником, и Честер понятия не имел, сколько прошло дней или, может быть, недель. Она выпускала его лишь на несколько минут, чтобы он мог немного размяться. Впрочем, разминка была относительной и очень болезненной, поскольку руки ему она оставляла связанными.

Сначала он пытался уговорить ее развязать его. Она только трясла головой.

«Это для твоего же блага!» – вот и весь ее ответ, который она повторяла и повторяла. Тик на левом глазу Марты усилился, и теперь казалось, что она постоянно подмигивает Честеру, как будто предлагая вместе порадоваться удачной шутке. Только вот смешного ничего в его положении не наблюдалось. Он был связан безумной старухой, которая – Честер не сомневался в этом – не задумываясь пырнет его ножом под предлогом, что это «для его же блага».

Теперь, лежа в темном буфете, он слышал каждый, даже самый слабый звук. Все звуки снаружи теперь были для него отчетливыми и ясными. Вот сейчас, например, у Честера не возникало сомнений, что Марта сидит на полу, по обыкновению вытянув жирные ноги. Честер практически видел, как она сидит с арбалетом на коленях и здоровенным ножом в руках. Ни дать ни взять, безумная тетушка из фильма ужасов. Только вот это не кино...

Честеру хотелось домой. Все в нем вопило, визжало и рыдало: он больше не мог находиться в таком положении и потому снова принялся орать изо всех сил.

Не умолкая ни на секунду, он перекатился ближе к дверце и принялся биться об нее головой, обезумев от отчаяния.

– ЭЙ, ЧЁРТОВА ДУРА!!!! Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ ЗДЕСЬ!!! НЕМЕДЛЕННО ВЫПУСТИ МЕНЯ!!!

Неожиданно дверь щелкнула и открылась. Честер уставился на пару отекавших ног. На пороге стояла грузная женщина с огненно-рыжими волосами, одетая в свое обычное тряпье.

– Тихо, тихо, мой хороший, не мучай себя так! – хрипло проворковала она, глаз при этом бешено дергался, как будто в бешеном танце...

Но Честер был так зол, что ему было не до разглядывания Марты. Едва она шагнула к нему, он перекатился вперед и с силой ударил головой в коленку.

– Я ХОЧУ УВИДЕТЬ МОИХ МАМУ И ПАПУ!!! ОТПУСТИ МЕНЯ ДОМОЙ!!! НЕ СМЕЙ ДЕРЖАТЬ МЕНЯ СИЛОЙ!!!

– Глупый мальчик. Совершенно незачем так вопить, я и есть твоя семья, малыш! – С этими словами она отшвырнула его обратно в буфет. – Марта позаботится о тебе, а не какие-то там нечестивые верхоземцы.

С этими словами она достала грязную желтую тряпку и попыталась заткнуть ему рот.

Честер сперва подумал, что она собирается задушить его, и рванулся изо всех сил. Но разве мог он, связанный, лежащий внутри тесного буфета, сопротивляться всерьез?..

– О-О-О!!! ГАДИНА!!! – успел лишь выкрикнуть Честер.

Тогда она ударила его по лицу... неожиданно, сильно. Он вскрикнул, но не от боли, а от шока, вызванного тем, что она сделала.

– Глупый, глупый мальчик... – тихо проворковала Марта, все еще зажимая тряпкой его рот. – Здесь вокруг никого нет, тебя никто не услышит, и ты не должен так надирать горло...

Она говорила с ним, словно с непослушным напроказившим щенком.

Силы оставили Честера, он перестал сопротивляться и кричать. Оставаясь все такой же спокойной, Марта убрала тряпку. Честер с ужасом увидел, как она вытащила из складок одежды свой огромный нож.

– Если ты и дальше намерен так себя вести, я отрежу тебе язык. Ты действительно хочешь, чтобы я это сделала?

Честер в ужасе стиснул зубы и отчаянно замотал головой, мыча и со страхом глядя на Марту. Она прищурилась, и на мгновение ее лицо приобрело отсутствующее выражение, словно она выслушивала инструкции от кого-то невидимого. Затем к ней вернулся более осмысленный вид, и она заговорила:

– Если ты хочешь, чтобы все было хорошо, просто делай то, что говорит тебе старая добрая Марта.

Оцепенев от страха, Честер таращился на нее, по его щекам бежали слезы. Марта ласково взъерошила ему волосы, провела по щеке своими заскорузлыми короткими пальцами. Он не посмел даже попытаться увернуться от этого омерзительного прикосновения.

Склонившись над ним, она улыбнулась так, словно ничего не произошло, но глаз при этом дергался так, словно хотел выскочить из глазницы.

– Марта присмотрит за тобой. Марта всегда будет с тобой... Всегда... и навсегда.

Она вытерла его слезы грязным пальцем.

Глава 8

Врач что-то бубнил себе под нос, и это был единственный звук в комнате... не считая тиканья старинных часов в углу.

Он склонился над миссис Берроуз и направил ей в глаз яркий луч медицинского фонарика. Выражение его лица при этом было... не слишком обнадеживающее. Однако вдруг он прервал свое мычание, и в его глазах блеснуло иное выражение. Его даже можно было назвать лучиком надежды.

– Ах вот как?.. Ну да... да, пожалуй...

Однако еще через пару секунд он разочарованно опустил фонарик.

– Мне показалось, я заметил сокращение зрачка... реакцию на свет, но, вероятно, ошибся.

Врач взял из чемоданчика булавку и поднял запястье миссис Берроуз. Несколько раз вонзил острое в бледную ладонь. Затем проделал то же самое с кончиками пальцев, и на них выступили капельки крови. Все это время он неотрывно смотрел в лицо миссис Берроуз, ожидая увидеть хоть какую-то реакцию.

– Ничего... – пробормотал он и закончил осмотр, вонзив булавку в тыльную сторону кисти женщины и оставив ее там.

Это показалось излишним даже Второму Офицеру, но он счел, что будет более благоразумным промолчать.

Отступив на шаг, врач скорчил гримасу.

– Все, как я и предполагал, – никаких улучшений.

Седобородый пожилой человек, врач, был одет в черный приталенный сюртук, из-под которого выглядывала несвежая сорочка, мало чем отличающаяся по цвету от бороды... Манишку «украшали» подозрительные пятна, очень напоминавшие засохшую кровь. Он начал мурлыкать что-то себе под нос, убирая в чемоданчик термометр, молоточки и прочие инструменты. Судя по всему, осмотр был окончательно завершен. Второй Офицер помялся на месте, половицы закрипели под его немалым весом. На все манипуляции врача он смотрел довольно бесстрастно – так собака могла бы наблюдать за карточными фокусами.

– Можно ли сделать для нее что-нибудь еще? – спросил он, глядя на бесчувственное тело миссис Берроуз.

В больничную палату была превращена обычная гостиная, кровать женщины стояла в углу. Сама пациентка полулежала в древнем инвалидном кресле на трех колесиках.

Старинные часы продолжали мерно тикать, врач спрятал в чемоданчик стетоскоп и защелкнул замок. Он по-прежнему молчал.

Затем он отставил чемоданчик, засунул руки в карманы и принял позу докладчика на кафедре.

– Можно ли сделать больше, чем уже сделано для этого пациента? – спросил он, глядя на миссис Берроуз.

В уголке рта женщины скопилась густая слюна, теперь она тонкой струйкой тянулась по подбородку на грудь.

– Что ж, мы можем сказать наверняка: пациент находится в достаточно комфортной обстановке, и продолжать колоть препарат «Пинкам» дважды в день. – Врач задумчиво смотрел на струйку слюны и мокрое пятно на груди женщины. Ситцевая бесформенная рубашка была ей сильно велика. Врач вздохнул и повернулся ко Второму Офицеру.

– Я могу выписать рецепт.

– Нет, у нас осталось еще несколько пузырьков, – ответил Второй Офицер.

– Очень хорошо. Вот счет за мои услуги. Оплатите, когда сможете.

Врач вынул из кармана листок бумаги и протянул Второму Офицеру. Тот уже собирался посмотреть счет, когда из коридора донеслось многозначительное покашливание – там притаились мать и сестра Второго Офицера. Офицер взглянул на них через открытую дверь. Врач видеть женщин не мог, и они принялись отчаянно жестикулировать, призывая Офицера задать тот вопрос, которого он пока избегал. Мужчина прочистил горло.

– Доктор, она все еще жива... Уже столько времени прошло, и ей столько пришлось вынести... Как вы думаете, она когда-нибудь почувствует себя... лучше?

Врач задумчиво поскреб бороду.

– Вообще-то это чудо, что пациентка жива, честно говоря. Но факты – упрямая вещь. Если пациент дышит самостоятельно, есть шанс восстановления и остальных функций. У нее отсутствуют практически все рефлексy, ее нервные окончания не реагируют на раздражители... – Врач нахмурился, словно то, что он собирался сказать, было невыносимо трудно. – Я признаю, что вы совершили в высшей степени гуманный поступок, принеся ее сюда. Но, возможно, еще гуманнее было бы дать ей спокойно умереть...

– Я не мог просто оставить ее умирать, – ответил Офицер. – С ней и так уже слишком много сделали...

Врач понимающе кивнул.

– Все так, но иногда нужно дать матери-природе самой решить, жить или умирать ее чадам. Вы говорили, что ее пытали во много раз интенсивнее, чем вам приходилось видеть до этого?

– Да. Ее пытали Темным Светом семь раз подряд.

– Вы лучше других должны понимать, что изменения в мозге могли стать необратимыми. Темный Свет выжиг разум этой женщины. Это похоже на то, как если бы... как вам объяснить... – Врач замешкался, подыскивая подходящую аналогию, затем вскинул указательный палец вверх: – Как если бы из стручка вылушили весь горох.

Второй Офицер озадаченно нахмурился. Врач как ни в чем не бывало продолжал:

– Да, именно так. Сознание пациента было хорошенько вылушено, мозги промыты. А горошины обратно в стручок не засунешь, и по новой они не вырастут. Неважно, насколько сильна она была раньше, прежней она уже не будет никогда.

– Горошины не вырастут... – Судя по голосу, Второй Офицер понял врача и теперь грустно смотрел на миссис Берроуз. – Да, у нее была сильная воля. Она одна выступила против целой преисподней. Доктор...

Он неожиданно взял врача за локоть:

– Доктор, мне нужна ваша помощь. Я в отчаянии. Если бы вы были на моем месте, что бы вы предприняли?

– Отдал бы ее обратно стигийцам, – коротко ответил врач, выдергивая руку.

Он схватил чемоданчик и шляпу и торопливо вышел из комнаты, затем также поспешно миновал холл и прихожую, поприветствовав женщин коротким кивком. Надел шляпу и покинул дом так быстро, что женщины изумленно уставились ему вслед.

– Бежал, как с пожара! Быстрее просто невозможно, – прокомментировала старшая из женщин, запирая входную дверь. – Он считает верхоземку дохлой уткой.

– Ма, она не... – Офицер в замешательстве повернулся к сестре, чувствуя в голосе матери неодобрение. – Элиза, я просто делаю то, что...

– Что именно ты делаешь, позволь узнать? – резко прервала его сестра. – Он был нашим семейным доктором на протяжении многих лет, он принимал нас с тобой, когда мы только пришли в этот мир, но теперь он явно хочет умыть руки и забыть о нас! И можешь ли ты его за это осуждать? Ты сделал из семьи посмешище!

Второй Офицер дернулся, как от пощечины, и коротко втянул воздух.

Однако Элиза была безжалостна и не собиралась уступать. Бледно-голубые глаза, широкое лицо, матово-белая кожа и почти белые волосы, стянутые в тугий пучок, – она была типичной женщиной Колонии. Так же, как и сам Офицер был типичным мужчиной – рыхлым, крупным, с редкими волосами и невыразительным лицом...

Разумеется, они всегда гордились своим происхождением, тем, что принадлежали к клану Избранных – тех вольных работников, кого три века назад позвал под землю сам сэр Габриэль Мартино.

Второй Офицер и его семья были очень уважаемыми членами общины и всегда подчинялись стигийскому режиму, потому обманывать их было еще более противно его натуре. Однако сейчас желание помочь верхоземке победило все остальные чувства и привычки, владало над чувством долга, и три человека в одно мгновение превратились в изгоев собственной общины. И все трое об этом знали.

– Элиза, у доктора много дел, – попытался возразить сестре Второй Офицер. – Может быть, у него срочный вызов.

– Ага, конечно, а мои лучшие друзья – грибы! – презрительно фыркнула Элиза.

– Загнал нас в ловушку, сынок? – злобно поинтересовалась мать.

Они с Элизой уставились на Второго Офицера с вызовом, и единственное, что он смог сделать, – это вернуться в гостиную. Но мать не унималась.

– Посмотри на нее! Ей никогда не станет лучше! Мне в моем возрасте уже трудно подтирать за ней, стирать ее тряпки и пытаться впихнуть пищу ей в глотку. А теперь еще и этот счет! О чем ты думаешь, сын?!

Элиза подхватила атаку матери.

– А языки ведь на привязь не посадишь! Люди хотят знать, что заставило тебя приволочь в родной дом полудохлую верхоземку, одну из этих нечестивых грешниц, которых мы знать не знали со времен Древних! Я тебя спрашиваю!

– Элиза... – попытался возразить Офицер, но сестра еще не закончила.

– Вчера миссис Кайзер и миссис Джемпсон меня игнорировали. Они даже перешли на другую сторону улицы, чтобы не встречаться со мной.

Обе женщины наступали, и Офицер вскоре оказался прижат к креслу, в котором поникла миссис Берроуз. Его родные мать и сестра вели себя словно собаки, загнавшие раненую лису...

– Ты кем себя возомнил и кем считаешь нас? Святыми покровителями больных верхоземцев? Няньками-сиделками? Да над нами все смеются!

Из груди Второго Офицера вырвался слабый стон. Он ожесточенно потер короткую толстую шею, ссутулившись и подавшись вперед, но так и не произнес ни единого слова.

Старуха заметила пятно на сорочке больной, оттолкнула сына в сторону и стала с остервенением тереть его платком, выкрикивая при этом:

– На рынке говорят! Граничники уже интересуются! Нами! Все из-за того! Что ты сделал!

Она швырнула мятый платок на стол, перевела дыхание и выпалила:

– Это ты их на нас навел!!!

В этот момент от дверей послышалось мяуканье.

– Колли! – воскликнула Элиза.

Кошка пришла посмотреть, почему хозяева так шумят. Она была из Охотников особо крупной породы, выведенной в Колонии, чтобы уничтожать крыс. Кошка спокойно посмотрела на троих людей своими большими медными глазами, громко чихнула в сторону миссис Берроуз, а затем непринужденно прыгнула прямо в камин и удобно устроилась среди еще теплых и даже местами тлеющих углей.

Старая леди негодуя указала скрюченным пальцем на дверь:

– Нет, Колли, нет! Нельзя! Пошла отсюда!

– Оставь ее, ма! – мягко попросила Элиза. Старинные часы начали бить. Напряжение в комнате нарастало. – Если уж нас выжили в кухню из-за этой верхоземки, пусть хоть кошка порадуется теплу.

Колли была чуть меньше размером, чем кот-Охотник, который сейчас путешествовал по центру Земли вместе с Уиллом и Эллиот, а кроме того, отличалась от него еще и цветом: ее лишенная шерсти кожа была угольно-черной.

Удобно устроившись рядом с миссис Берроуз, Колли сладко зевнула и свернулась клубочком.

– Колли! – снова попыталась прогнать ее старая женщина, но кошка даже ухом не повела.

Часы продолжали хрипеть и бить, и Второй Офицер воспользовался вторжением кошки.

– Ма, пусть она остается здесь. А мы, давайте-ка, пойдем и выпьем по чашке горячего чая. Ма, я сам заварю его для тебя. Тебе вредно так сильно волноваться.

Говоря это, он приобнял мать за костлявые плечи и осторожно вывел ее из комнаты. Элиза задержалась в дверях и еще раз взглянула на неподвижную миссис Берроуз. Она не могла понять, что вселилось в ее рассудительного брата. Эти люди, верхоземцы, были врагами, особенно эта женщина. Говорят, она что-то скрывала или прятала от стигийцев, потому и была так жестко наказана ими. И правильно, и справедливо – за дело же!

Элиза не была жестокой женщиной, однако сейчас она слишком разозлилась. Шагнув к кровати, она со всех сил залепила миссис Берроуз пощечину – на бледной щеке немедленно проступил красный отпечаток ее руки. Звук пощечины был таким громким, что Колли изумленно встрепенулась. Затем Элиза попыталась взять себя в руки и стремительно вышла из комнаты.

* * *

В кухне приглушенно звучали возбужденные голоса. Старинные часы пробили последний, двенадцатый удар, и с этим ударом глаза миссис Берроуз открылись.

– Дохлая утка еще жива! – прошептала она.

Затем подвигала челюстью и потрогала щеку в месте удара.

– Полегче, Элиза! – усмехнулась миссис Берроуз. – Держи себя в руках.

Вытирая слюну с губ, она вспомнила про булавку, оставшуюся в ее руке. Легкий смешок сорвался с бледных губ. Не вынимая иголку, она осторожно изучила ее, едва касаясь кончиками пальцев, но не делая попыток вынуть.

Потом потрогала мокрое пятно на рубашке.

– А ты ведь меня раскусила, Колли, да? – Женщина улыбнулась кошке, внимательно наблюдавшей за ней. – Но это, мне кажется, даже хорошо.

Воздействие Темного Света на мозг миссис Берроуз было ужасающим. Ее тело не смогло ему сопротивляться. Она выжила лишь благодаря сильной периферической нервной системе, блокировавшей наиболее убийственные импульсы излучателя на инстинктивном уровне. Только поэтому она не умерла.

К счастью, функционировали основные органы: сердце исправно качало кровь, легкие перегоняли воздух. Хотя миссис Берроуз и находилась в состоянии кататонии в течение нескольких недель, ее спасло то, что семья Второго Офицера ухаживала за ней. Ежедневный уход и лекарства дали ей возможность выиграть у смерти время и воспользоваться им. Она начала медленно, но верно восстанавливаться.

Неделю за неделей, день за днем ее нейроны возрождались, восстанавливались нарушенные связи в мозге – так компьютер сам восстанавливает нарушения в системе, запуская специальную программу. Крошечные участки лобных долей мозга, отвечавшие за воспоминания и волю, прикрикнули на серое вещество, и оно начало собираться в кучку...

Но нейроны не могли восстановить абсолютно все прежние связи. Миссис Берроуз обнаружила, что у нее сильно ослаблено зрение: по сути, она всего лишь могла различать свет и тьму. Однако, словно компенсируя эту потерю, в новой миссис Берроуз открылись удивительные способности.

Она поняла, что может управлять своим телом так, как никогда не умела делать это раньше. Хотя она чувствовала каждый укол булавки, она легко заблокировала боль и не реагировала даже на уровне рефлексов. И это были еще цветочки. Она научилась ускорять или замедлять физиологические процессы в своем организме, включая управление сердечным ритмом, который могла замедлить настолько, что почти не нуждалась в дыхании. Повышать или понижать температуру тела. Потеть. Сделать так, чтобы при комнатной температуре у нее из рта вырывались клубы пара. Обо всем этом когда-то рассказывал ее инструктор по йоге, но тогда это казалось фантастикой...

Было и еще кое-что, совсем уж немыслимое. Почти утратив зрение, она обрела – или, быть может, просто вернула хорошо забытые? – животные инстинкты и способности. Она могла чужа людей.

Она различала знакомых и чужих, даже если они проходили по улице мимо дома. Она могла сказать, в каком они настроении: злятся, грустят, озабочены или счастливы. Вся гамма человеческих чувств была видна ей. Биолог сказал бы, что она обрела способность улавливать феромоны – тончайшие химические соединения, служащие всем в мире живым существам для коммуникации и определяющие их поведение, – исходящие от людей... Но миссис Берроуз не была биологом и понятия не имела о феромонах, она просто наслаждалась новыми возможностями, которые крепили день ото дня. Она была уверена, что однажды именно они помогут ей бежать из Колонии. И судя по сегодняшним событиям в доме Второго Офицера, этот день был уже не за горами.

Именно поэтому сейчас ей не было нужды слышать то, что говорилось на кухне. Она чувствовала раздражение и растерянность, гнев, обиду, ярость и возмущение, эти чувства были так сильны, что от них у миссис Берроуз даже закружилась голова. А еще она чувствовала неуверенность и страх, исходящие от Второго Офицера, когда он пытался обороняться от нападков своих женщин.

Миссис Берроуз медленно поднялась с кресла и с наслаждением потянулась.

– О, так-то лучше... Иди сюда, Колли!

Кошка немедленно подошла к ней. Миссис Берроуз провела наедине с животным достаточно много времени, и, судя по всему, Колли прекрасно понимала, какие изменения произошли в женщине, даже признавала, что в чем-то миссис Берроуз превзошла ее, кошку-Охотницу. Благодаря этому между ними установились незримые, но прочнейшие связи: возможно, это кошке и не нравилось, но она беспрекословно исполняла все приказания миссис Берроуз.

Женщина протянула руку туда, где, как она чувствовала, находилась голова животного.

– Давай-ка пройдемся. Мне нужно размяться.

В сопровождении Колли миссис Берроуз медленно пошла по комнате, старательно обходя мебель, негромко разговаривая с кошкой. Миссис Берроуз слишком много времени провела в молчании, изображая собственную кому в присутствии жителей Колонии.

Кроме того, кошка уж точно никому не расскажет о том, какие удивительные изменения происходят с верхоземской женщиной, живущей в доме Второго Офицера.

Глава 9

Честер попытался распрямить затекшие ноги. Он был почти уверен, что сейчас Марта принесет ему еду и воду. Он не знал, сколько прошло времени с тех пор, как она в последний раз открывала дверь – часы тянулись медленно, да и различить их было невозможно, разве что чередовать часы молчания с часами отчаянных криков.

Впрочем, сейчас все было иначе...

Он слышал какие-то звуки. Шорох гравия на дорожке перед домом, как будто подъехала машина. Какие-то хлопки. Стук.

Только все эти звуки были очень короткие, да еще и раздавались совсем глухо, на границе слышимости: в буфете почти ничего не было слышно, даже из происходящего в доме. Безумная тюремщица Честера знала, что делала. Она наконец-то обрела смысл жизни...

Он решил, что все эти звуки рождены его измученным голодом, жаждой и отчаянием рассудком, и попытался заснуть.

* * *

Дрейк вихрем ворвался в дом, молнией промчался в свою спальню и через несколько секунд спустился вниз уже в куртке и с двумя рюкзаками, в один из которых на ходу запихивал какие-то вещи и инструменты, вынимая их из второго. Эдди поднялся ему навстречу из кресла.

Дрейк лихорадочно перебирал инструменты и какие-то приборы.

– Что-то случилось? – негромко спросил стигиец.

– Да. Мне надо срочно ехать в Норфолк. Я только что прочел сообщение на скрытом сервере... Оно пришло с номера, который я дал Эллиот, чтобы она смогла связаться со мной в случае опасности.

– Она в беде? – быстро спросил стигиец.

– Нет, сообщение от Честера, про Эллиот там ничего не сказано. Точно сказать трудно, но, судя по всему, он вышел на поверхность. – Дрейк яростно выругался и потряс взлохмаченной головой. – Чертов идиот – это я про себя! Я не проверял сервер слишком долго. Этому сообщению уже несколько недель.

Дрейк вытащил из рюкзака пистолет и пару обойм к нему. Одну загнал в оружие, вторую спрятал в карман, а пистолет засунул за ремень брюк. Только после этого он посмотрел на Эдди:

– Единственное, на что я надеюсь, так это на то, что у пацана хватит ума где-нибудь затаиться и не пытаться вернуться домой. Если он отправится в Хайфилд, твои ребята его схватят.

Эдди уже надевал куртку.

– Как бы там ни было, есть вероятность, что Эллиот с ним. Я еду с тобой.

* * *

– Я оставил машину в двух кварталах отсюда. – Дрейк махнул в ту сторону, где стоял его «рэнджровер».

Они стояли на ступенях дома. Эдди показал в противоположную сторону.

– Давай поедем на моей машине.

Дрейк пожал плечами, но не сдвинулся с места, поправляя лямки рюкзака на плечах. Эдди исчез за углом дома, и через мгновение оттуда показались габаритные огни «астон-мартин» последней модели.

– Классная тачка! – прицокнул языком Дрейк, бросив быстрый взгляд на сверкающий черный капот.

Эдди вылез и молча отступил в сторону, оставив водительскую дверцу открытой. Дрейк хмыкнул.

– Но несколько... вызывающе, не находишь? Если ты, конечно, не Джеймс Бонд. Может, все-таки на «ровере»?

Эдди не ответил.

Дрейк сдался:

– Ладно-ладно. Поедем на твоей, но я за рулем!

Был уже поздний вечер, движения на улицах почти не было, и Дрейк без проблем выехал из Лондона на шоссе, ведущее в Норфолк. Даже когда дорога сузилась, Дрейк не стал сбрасывать скорость.

Они послушали новости в полном молчании. Солнце зашло, наступила полная темнота. Поднялся ветер. Свет фар «астон-мартин» периодически выхватывал из темноты сверкающие глаза по обочинам дороги – это любопытные олени выходили на ночную прогулку.

Увидев встречные огни, Дрейк предупредительно мигнул фарами. Водитель встречной машины никак на это не отреагировал и, поравнявшись с Дрейком, проехал вплотную, отчаянно сигналив. Из открытого окна вылетела пустая банка из-под пива.

– Чертов придурок! – яростно выругался Дрейк, ослепленный фарами дорожного хулигана.

Эдди аж вдавило в сиденье, когда Дрейк на полной скорости выполнил «полицейский разворот» и рванул вслед за наглым лихачом. Мотор взревел, набирая полные обороты.

– Что ты делаешь? – спокойно поинтересовался стигиец.

– Кто-то должен преподать этому придурку урок!

«Астон-мартин» обошел лихача и вынудил прижаться к обочине, при этом его собственные колеса выбили столб пыли на обочине.

– Я не думаю, что это хорошая... – начал было Эдди, но Дрейк уже вылез из машины. Водитель другой машины, дымивший сигаретой, тоже открыл дверцу и нагло устоялся на Дрейка. Длинноволосому, одетому в грязноватую футболку без рукавов с поблекшей пятиконечной звездой на груди парню было лет двадцать. На пассажирском сиденье хихикала молоденькая девчонка, попивавшая пиво из банки. Дрейк подошел к парню и остановился прямо перед ним. Тот ухмыльнулся еще шире и наглее.

– Ты кем себя возомнил? Полицейским? Ну и че ты собираешься делать? – Парень щелчком отправил тлеющий окурок прямо в лицо Дрейку. Тот сделал короткое движение в сторону, и окурок рассыпался алыми искрами на проезжей части. Дрейк спокойно растоптал его тяжелым ботинком.

На заднем сиденье веселились два пьяных ровесника водителя. Звуки, которые они издавали, очень напоминали хихиканье мартышек в обезьяннике.

Водитель полез наружу и угрожающе двинулся на Дрейка, вытянув вперед палец с обгрызленным ногтем.

– Ты, пижон недоделанный! Езжай обратно в город, откуда приперся! – заорал он.

Сжав кулак, он замахнулся на Дрейка.

Все произошло за долю секунды. Дрейк в мгновение ока преодолел расстояние между ним и парнем, перехватил летящий ему в челюсть кулак, вывернул парню запястье и ткнул ошалевшего хулигана лицом в капот собственной машины. Парень еще пытался сопротивляться, ударить Дрейка локтем свободной руки, но Дрейк легко, словно щенка, приложил его головой об дверцу. Раздался глухой удар. Девчонка перестала хихикать и завизжала, стихли и дружки незадачливого лихача. Тот придушенно взвыл.

– Ты не имеешь права... это нападение... нанесение увечий...

Он все еще пытался ударить Дрейка, поэтому схлопотал еще раз, сильнее. Дрейк наклонился к самому его уху и прошипел:

– Еще хочешь?!

– Да что я сделал-то?!

– Сам знаешь, что ты сделал. Учти, теперь я за тобой буду следить. Еще раз вылезешь на встречу – убью! – прорычал Дрейк. – А теперь убирайся отсюда!

Он приподнял юнца и буквально зашвырнул его в машину. Тот не стал искушать судьбу и рванул с места, только габаритные огни мелькнули и скрылись вдали.

Дрейк вернулся к машине, сел за руль и вцепился в него так, что костяшки пальцев побелели. Он смотрел прямо перед собой невидящим взглядом, а фары выхватывали из темноты раскачивающиеся под порывами ветра ветви деревьев.

Эдди заметил, что Дрейк все еще дрожит от ярости.

Стигиец кашлянул, нарушая тяжелое молчание.

Дрейк не повернул головы, голос его прозвучал безжизненно:

– Давай, Эдди. Скажи, что я идиот. Что этот парень заявит в полицию. В газетах появятся заголовки: «Водитель “астон-мартин” совершает разбойное нападение на сельскую шпану»...

Эдди покачал головой:

– Нет, я вовсе не об этом подумал. Я собирался сказать, что у нас с тобой гораздо больше общего, чем тебе кажется... или хочется.

– А если я скажу, что меня это не интересует... Ты все равно объяснишь, почему ты так решил? – неприязненно усмехнулся Дрейк.

Эдди не обратил внимания на вызов, прозвучавший в его голосе.

– Нас обоих ведет вперед одно и то же чувство – мы оба невероятно злы. И этот гнев пожирает нас изнутри.

– Я ни разу не видел, чтобы ты вышел из себя.

– Мы по-разному контролируем свой гнев. Или пытаемся это делать. Парадокс в другом: этот гнев разрушает нас, но он же и делает нас сильнее. Делает нас теми, кто мы есть на самом деле.

Он помолчал, подыскивая правильные слова.

– Мы оба словно бежим по лезвию бритвы, постоянно гонимся за чем-то, вечно в движении... И с каждым шагом лезвие врезается в нас все глубже... Но если мы остановимся, оно врежется еще глубже и убьет нас. – Стигиец перевел дыхание и заговорил чуть тише: – Ты знаешь, почему я пошел этим путем. Но о себе ты ничего не рассказывал. Что произошло? Когда ты стал... таким? Кто сделал это с тобой?

– Вы. Стигийцы, – коротко ответил Дрейк.

Где-то среди холмов почти по-человечески взвизгнула лиса. Дрейк упрямо смотрел вперед, перед собой.

– Не в этой жизни... – Он вдруг судорожно сглотнул и прикрыл глаза. – Я был выпускником Университета... Нас было трое: Фиона, Люк и я. Мы были не такими, как другие студенты. Нас дразнили вундеркиндами.

Нет, мы жили в том же кампусе, ходили на те же лекции... но на самом деле мы никогда не покидали стен Университета. В виртуальном смысле. Факультет оплатил для нас круглосуточную выделенную линию... лаборатории... Нам давали все, что мы просили. Они очень рассчитывали на наши исследования и наш проект. Благодаря нашей работе Университет приобрел бы небывалый авторитет...

– Оптическая электроника?

– Этим занимался я. Люк был гениальным математиком. А Фиона... Фиона была программистом от Бога. Хакером. Мы трое прекрасно дополняли друг друга. Но Фиона была гением... Она умела писать такие программы, какие не умел больше никто. На второй год

нашей работы она написала программу, которая позволяла отслеживать все события в режиме реального времени и анализировать их. Когда бизнес-сообщество и секретные службы узнали об этой программе, Фиону начали осаждать хэдхантеры... Они предлагали любые деньги, любую должность, но Фиона не соглашалась и продолжала работать над нашим проектом. В какой-то момент программа заработала на полную мощность... И тогда Фиона начала замечать нечто странное. Аномальное. События, которые не поддавались никакой логике, даже по теории случайных событий не должны были происходить. Программа о них оповещала... Думаю, ты понимаешь, о чем я?

Дрейк наконец-то выпустил руль. Эдди кивнул:

– Понимаю. Стигийцы. Вторжение извне. Вернее, изнутри.

– Да. Верно. И вот за неделю до нашего выпуска Фиона как всегда помахала нам с Люком рукой, села на велосипед и отправилась из кампуса в лабораторию. С тех пор мы больше никогда ее не видели. Ее не нашли. Ни ее, ни велосипед... Кроме того исчезла ВСЯ ее работа. Ее ноутбук, диски, жесткий диск из лаборатории – все, имеющее отношение к программе, просто испарилось, без следа. – Дрейк снова слотнул. – А потом у моего друга случился нервный срыв.

– Ты говоришь о Люке?

– Да. Он был из тех ребят, чей интеллект невероятно высок, но потому абсолютно беззащитен перед жизнью. Люк просто рассыпался на кусочки с исчезновением Фионы. Ушел из университета, вернулся домой, к матери. А через год спился и умер.

Только теперь Дрейк посмотрел в лицо Эдди:

– Насколько я понимаю, ты принадлежал к группе захвата? Возможно, ты был одним из тех, кто захватил Фиону...

Эдди медленно покачал головой, на его лице не дрогнул ни один мускул.

– Нет, на это мне нечего сказать. Я могу лишь попросить у тебя прощения за то, что сделали мои люди, но ведь это ничего не значит для тебя, не так ли?

– Абсолютно, – пробормотал Дрейк и завел мотор. «Астон-мартин» развернулся и продолжил свой бег по ночному шоссе.

* * *

Дверь в мою комнату закрыта. Пижама висит на спинке кровати, она темно-синяя и из такого плотного материала, что кажется, будто ее сшили из ковра. Но зато она действительно теплая. Мама купила ее мне перед Рождеством, потому что старая стала совсем мала...

Честер медленно повернул голову...

На стене рядом с дверью висят постеры. Я их вижу. Я прекрасно помню их все, ведь когда я не мог заснуть, то лежал и часами смотрел на них. Фотография соснового леса – моя любимая. Некоторые постеры висят криво: я их вешал, когда был совсем маленьким. Да, они так давно висят здесь... Я подумывал о том, чтобы сменить их...

Честер повернул голову еще немного...

А еще здесь висит фонарь, который подарил мне папа. Это особенный фонарь, он из шахты. Когда отец его нашел, он был черный и закопченный, поэтому папа перекрасил его в оранжевый цвет. С одной стороны краски чуть больше, чем нужно, но это не страшно, ведь это папин подарок... Когда я засыпаю и прикрываю глаза, фонарь напоминает капсулу космического корабля «Аполлон»...

Честер окончательно повернул голову и улыбнулся в темноту.

А вот мои книги. Разноцветные корешки. Я их так люблю, мои книги, что никогда никому не даю почитать – вдруг порвут корешки или испачкают? Почти все я прочитал не по одному

разу. Я люблю собирать целые серии и всегда, всегда стараюсь выставлять их на полку по порядку...

– Еда, мой хороший! – пропела сладким голосом Марта, открывая дверь шкафа.

Честер, грубо вырванный из приятных полумечтаний-полуснов, вернулся в отвратительную реальность. Чем дольше он находился в заключении, в полной темноте, связанный, тем чаще вспоминал родной дом в Хайфилде. Не просто вспоминал, а воссоздавал в памяти каждый уголок, каждую комнату, каждую деталь обстановки... Он мог совершать мысленные прогулки не только по своей комнате, но и по всему дому, выходить в залитый солнцем сад, где цветут розы, и весь мир начинал казаться таким прекрасным и безопасным.

– Ты будешь есть или нет? – настойчиво спросила Марта, не дождавшись ответа от Честера.

Все еще наполовину пребывавший в приятных мечтах, Честер невнятно пробормотал «да». Марта стояла в дверях, свет бил ей в спину, и Честер видел только огромный уродливый силуэт женщины. Интересно, она нашла свечи или это отсвет камина? Ведь не костер же она разложила в гостиной? Хотя этот свет напомнил ему именно о костре. И пахнет жареным мясом... как будто его жарят над костром и оно слегка подгорело...

– Марта, пожалуйста, можно я выйду ненадолго? Хоть развяжи меня, пока я ем? – жалобно попросил Честер. – У меня ноги скоро отнимутся. Обещаю, я буду тебя слушаться!

Она смотрела на него с застывшей улыбкой на губах, глаз бешено дергался и вращался в глазнице. Честер затаил дыхание, но Марта медленно обернулась через плечо, посмотрела на что-то и пробормотала:

– Не сейчас... убираюсь... мне надо кое-что прибрать... Ешь!

Последнее слово она произнесла резко, почти злобно.

– Да-да, конечно, я как раз проголодался... – торопливо кивнул Честер, не желая спровоцировать очередной приступ ярости. Да и есть действительно хотелось, он не собирался отказываться от пищи, даже принимая во внимание то, как отвратительно готовила Марта.

Она бесцеремонно подняла его голову одной рукой, другой сунула ему в рот полную ложку. Честер почувствовал вкус почти сырого мяса.

– Очень вкусно... ммм... – договорить он не успел: во рту оказалась новая порция мерзкой еды.

– Ну вот! – удовлетворенно сказала Марта, скормив Честеру всю тарелку. – Хороший мальчик.

Она оставила тарелку и ложку на полу, тяжело поднялась с колен и вытерла руку о грязную юбку.

Честер лихорадочно соображал. Нужно было что-то делать. Он должен был попытаться связаться хоть с кем-то...

Но как?!

Потом ему в голову пришла идея:

– Марта...

Налитый безумием страшный глаз уставился на него, но Честер собрал волю в кулак и постарался не обращать на него внимания.

– Можно мне мой рюкзак?

– Зачем?

Она произнесла это, почти не шевеля губами. Повторила еще раз чуть отчетливее:

– Ну... Голове неудобно... Я лежу на деревяшке, это очень жестко...

Она молчала, и тогда Честер произнес то, что язык произносить отказывался:

– Мама... мамочка, пожалуйста... можно мне...

Это произвело на женщину мгновенный эффект.

– О, разумеется, почему нет? – Теперь ее голос звучал почти нормально. – Ты побудь здесь, мой милый мальчик, а я пойду и принесу.

Она повернулась и ушла, а Честер, извиваясь как червяк, перекатился к дверце буфета, чтобы увидеть, что происходит снаружи.

Он правильно почуял – в гостиной, на полу, в самом центре ковра, был разложен настоящий костер. А на ковровой дорожке в холле виднелся широкий грязный след... словно что-то или... кого-то тащили...

Он услышал, что Марта возвращается, и торопливо перекатился в глубь буфета.

– Большое тебе спасибо, мамочка!

Она подсунула рюкзак ему под голову, затем выпрямилась и с нежностью посмотрела на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.